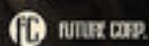

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

СЕРГЕЙ АНТОНОВ
ТЕМНЫЕ ТУННЕЛИ

Метро

Сергей Антонов

Темные туннели

«АСТ»

2010

Антонов С. В.

Темные туннели / С. В. Антонов — «АСТ», 2010 — (Метро)

ISBN 978-5-17-067178-6

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Сергей Антонов возвращает нас в настоящее «Метро 2033» – таинственное, полное неожиданностей и опасностей, проникнутое духом безысходности. Роман получился хороший еще и потому, что главный герой его хочет исправить мир – как все мы мечтали когда-то. Но будет ли свет в конце «Темных туннелей»?

ISBN 978-5-17-067178-6

© Антонов С. В., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

«Вселенная Метро 2033» расширяется	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Антонов

Метро 2033: Темные туннели

«Вселенная Метро 2033» расширяется

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

У нас все получается!

«Темные туннели» писателя Сергея Антонова – уже второй роман в проекте «Вселенная Метро 2033».

Можете начинать читать серию прямо с него. У всех книг в этом цикле будут свои сюжеты, свои герои, разные жанры. Объединяет их только мир – мир моих романов «Метро 2033» и «Метро 2034». И еще то, что в этой серии будут выходить только по-настоящему интересные книги.

Романы «Вселенной» будут не похожи друг на друга, как не похожи между собой их авторы. Мне очень хотелось объединить для этого эксперимента совершенно разных писателей. И опытных, и только начинающих. И тех, кому ближе серьезная проза, и тех, кто умеет закручивать интригу и создавать триллеры.

«Темные туннели» по духу напоминают мое «Метро 2033». Действие в книге разворачивается в Московском Метро, причем герой – молодой анархист-боевик со станции Гуляй Поле – открывает для себя и для вас многие из тех мест, о которых Артем из моей книги только слышал.

У Сергея Антонова получился яркий и наполненный приключениями роман. Он обогатил карту Метро, дал жизнь целым линиям. Приоткрыл завесу тайны над несколькими мрачными и загадочными уголками московских подземелий.

У него получилось совсем иначе, чем у Владимира Березина, автора «Путевых знаков», первого романа в проекте. И это здорово. «Вселенную Метро 2033» обживают совершенно разные писатели, и у каждого из них свой взгляд на хроники постядерного мира.

А значит, вы никогда не будете точно знать, чего вам ждать от следующей книги «Вселенной». И никогда не соскучитесь. Совсем скоро в свет выйдет и третий роман, и четвертый. На карте мира появятся не только Москва и Петербург, но и Минск, и Киев, и Новосибирск. Может быть, однажды наш проект станет международным, и свои романы о Нью-Йорке и Токио напишут американские и японские авторы!

И конечно, вы тоже можете создать свою собственную историю для «Вселенной».

На портале проекта – на сайте Metro2033.ru мы проводим конкурсы и отбор лучших романов, написанных читателями. Заходите на сайт, публикуйте там свои рассказы, повести, романы – и вас могут напечатать.

2033 год... Мир уже разрушен до основания. Давай строить наш, новый мир вместе!

Дмитрий Глуховский

Русская революция планировалась в биологическом отношении как генетический порог, за которым суждено было начаться новой жизни, состоящей в изменении расово-биологической структуры, закономерным результатом какового и станет пресловутый «homo soveticus...»

Пауль Каммерер

*Рельсы обладают свойством блестеть даже в самых темных
туннелях...*

Путевой Обходчик

Часть первая

Метро и воля

Глава 1

Предчувствие перемен

Это было неясное предчувствие того, что сегодня должно произойти нечто необычайно важное. Оно пришло к Анатолию в тот тонкий, как паутина, отрезок времени, когда сон тает в шуме наступившего утра, а бодрствование еще не вступило в свои права. Некоторое время Толя лежал с открытыми глазами в темной, пропитанной запахом чада палатке, пытаясь отыскать в событиях минувшего дня тайные знаки, зарубки на стволе бытия, которые дали бы ответ на вопрос, почему именно нынешний день должен стать исключительным, поворотным в его судьбе? Из важных событий вчера произошло только одно...

Отработав свою смену на свинофермах Речного Вокзала, Анатолий попал на общее собрание. Как раз голосовали за предложение дяди Миши, известного под партийным псевдонимом Нестор, переименовать станцию Войковская в Гуляй Поле. Бурных прений не случилось, однако, как всегда, нашлись и недовольные. Предводителю Повстанческой армии метро пришлось делать экскурс в историю и рассказывать соратникам о том, каким подонком был большевик Войков, участник екатеринбургского расстрела семьи Романовых. Потом Батька доходчиво объяснил, что название Гуляй Поле будет как нельзя лучше соответствовать новой сущности бывшей Войковской как столицы свободного содружества анархистов. Рассказ о реформах, предпринятых Махно в годы процветания его гуляйпольской республики, изобилывал такими красочными и комичными подробностями, что Толя едва удерживался от смеха.

Анатолий, хотя до тридцати ему было еще далеко, на анархистских теориях съел собаку, и в идеологических спорах, если они не доходили до кулаков, многих мог уложить на обе лопатки.

Попытки исторического Нестора Ивановича Махно на практике осуществить в годы гражданской войны наработки Кропоткина и Бакунина казались Анатолию наивными. Ему бы очень не хотелось, чтобы здесь, под землей, воплощение в жизнь идеалов свободы и нравственности свелись к созданию на их станции уменьшенной копии Гуляй Поля образца девятнадцатого года прошлого столетия. При этом Анатолий понимал, что многим рядовым анархистам Войковской по душе именно такой беспшабашный вариант воли и что для того, чтобы выкорчевать из сознания людей рефлексы примитивного народовластия в духе Запорожской Сечи, потребуется много времени, терпения и силы убеждения.

Последней у Нестора хватало с избытком. Предводитель анархистов обладал внушительной фигурой и бесспорным талантом оратора. Это был титан двухметрового роста, с густой гривой седых, отливающих сталью волос и четкими, словно выбитыми на античной монете, чертами лица. Он был наряжен в некогда черный, а ныне потертый до желтизны кожаный плащ, раритетную шапку-кубанку, добытую чуть ли не в самом Музее революции, широкие галифе и собранные в гармошку высокие яловые сапоги из той же разграбленной экспозиции. Этот великан был непререкаемым лидером анархистской вольницы.

Анатолий в очередной раз поразился особенностям ораторского таланта Нестора. В узкой компании глава Повстанческой Армии не отличался красноречием и предпочитал помалкивать и слушать. Но стоило ему оказаться перед большой аудиторией, как от стеснительности его не оставалось и следа. Когда Нестор выступал перед людьми, потряхивая гривой отливающих

сталью волос, от него веяло непоколебимой уверенностью в собственной правоте. Батяка, в отличие идеалистов-теоретиков вроде Анатолия, умел вести толпу за собой...

Толя родился в семье московских интеллигентов. Мать возглавляла научно-исследовательскую лабораторию в Московской сельскохозяйственной академии на Тимирязевской, отец был редактором крупного литературного журнала, поэтому Толины детские годы прошли среди книг, которые читал не всякий взрослый, под аккомпанемент кухонных разговоров о морали, нравственности и ответственности художника перед обществом.

Толю тоже воспитывали в этом духе: ответственным юным художником. Самостоятельным он стал рано. Уже в шесть лет он в одиночку ездил брать частные уроки игры на скрипке и без приключений добирался домой через две станции метро.

Родители его погибли в самом начале Катаклизма. Толе повезло дважды. В тот день, когда их девятиэтажка была сметена с лица земли взрывной волной, мальчика со скрипкой в обнимку как раз отправили на занятия. Встречный поток хлынувших под землю до смерти перепуганных людей не дал ему подняться на поверхность.

Одинокого, заплаканного мальчугана заметил такой же одинокий, потерявший всех близких старик. Звали его Иннокентием Вениаминовичем. У Толи с собой была только скрипка, а у Иннокентия Вениаминовича – батон белого за двадцать рублей. Толе он отдал половину.

Второй шанс был дан Анатолию его ангелом-хранителем в тот день, когда Иннокентий Вениаминович поддался на уговоры своего знакомого перебраться с Тимирязевской на Войковскую. У старика частенько шалило сердце, а на Войковской, по слухам, обосновался чудом выживший главный кардиолог ЦКБ, настоящее светило. После долгих раздумий Иннокентий Вениаминович согласился и вместе с Толей с Тимирязевской ушел. А еще через три дня Тимирязевской не стало: крысы сожрали. Всех сожрали, и того знакомого, что уговаривал старика идти на Войковскую.

Только на прием к кардиологу Толин благодетель так и не попал. Где-то по пути, в черном туннеле Иннокентий Вениаминович бросил вдруг рассуждать о судьбе человечества, сел на пол, взялся рукой за грудь и стал умирать. Он хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и лицо его становилось серым, а губы – синими. И Толя ничего не мог сделать. С тех пор он еще много смертей видел, и не боялся их больше, и им не удивлялся. Но ту, давнюю, первую, запомнил навсегда.

Старик упал к Толиным ногам. Глаза его закрылись и погасли, как окна дома, в котором выключили свет. Все.

Беды Толины на этом не кончились. Мальчик пристал к проходившему мимо каравану, но неудачно. Караван перевозил какую-то военную химию и шел под усиленной охраной и в большой секретности. Но те, кому надо, о грузе, видно, знали. Караван попал в жестокую мясорубку. В контейнеры попало рикошетом, и один взорвался, выбросив ядовитое облако. Толя чудом выжил, но знакомство с отравляющим аэрозолем кожно-нарывного действия оказалось знакомством на всю жизнь. На ногах у него появились трофические язвы, которые никак не хотели заживать. Победить болезнь не удалось, а остановить получилось. Случайно, по наитию. Приютившая мальчика добросердечная жительница Войковской, тетка его ровесника Сережки, не знала тонкостей лечения трофических язв. Она просто не жалела для воспитанника дефицитного мыла и дважды в день промывала и перевязывала раны прокипяченными и тщательно высушенными полосками ткани. Болезнь отступила, но не сдалась окончательно, и для подросшего Анатолия забота о своих ногах стала привычным делом вроде утреннего умывания. Так он и остался на Войковской. Анархисты-повстанцы взяли на станции власть уже при нем, много позже.

Анархисты заявили о себе как о самостоятельной силе в конце войны Красной линии с Содружеством Станций Кольцевой линии. Нестор, которого Анатолий знал еще в те времена, когда его звали дядей Мишей, сначала воевал за красных, но потом что-то с ними не поделил. Добрался со своими людьми до Войковской и обосновался на ней. Все те, кто считал Москва и всю Красную линию предателями революционных идеалов, прибились к партизану дяде Мише. Дальше – больше. Мишин отряд перешел на сторону Ганзы и помог Кольцу выиграть несколько важных сражений с коммунистами. Это, как объяснял дядя Миша потом своим бойцам, был союз временный, тактический.

Ганза была за частную собственность, за правый порядок, а у дяди Миши от одних этих слов начинал дергаться глаз. Когда красные подослабли и громить их стало уже неспортивно, Мишины бойцы переключились на Ганзу – потихоньку, исподтишка. Грабили награбленное. Кто-то тогда и подсказал партизанскому командиру, что ведет он себя в точности как Нестор Махно в гражданскую войну. Мише сравнение понравилось, запало. Вспомнив школьную программу, он, наконец, понял, какая идеология ему всех роднее.

И определился окончательно: взял себе псевдоним Нестор – ясное дело, в честь Махно. И заодно присвоил девиз зеленых «Бей красных, пока не побелеют, бей белых, пока не покраснеют!». Когда война между Ганзой и коммунистами пошла на убыль, призыв утратил актуальность. Вместо него Нестор провозгласил тогда лозунг «Воля или смерть!», написав его белыми буквами на черных полотнищах под черепом и скрещенными костями. Этими транспарантами были увешаны все стены и колонны Войковской, на которую с той поры стали стекаться все, кто считал любой намек на государственное регулирование личным оскорблением, а попытки посягнуть на свободу личности – смертным грехом.

Под черные знамена батьки Нестора становились и вольнолюбивые бродяги-челноки, и сталкеры, привлеченные возможностью раздобыть на Войковской оружие и снаряжение, и бывшие коммунисты, и даже ганзейские купцы, которых чем-то обидели на Кольцевой.

Войковская превратилась в Гуляй Поле задолго до того, как Нестор поставил это решение на голосование. Здесь процветала торговля оружием, дурью и самогоном, по сходной цене можно было купить женскую любовь. Впрочем, повальные кутежи, в которых деятельное участие нередко принимал и сам Батька, не мешали анархистам оставаться серьезной военной и политической силой, с которой вынуждены были считаться другие станции Метро.

Не понятно как, но при первой надобности Нестор мог одним мановением руки восстановить железную дисциплину, сплотить разномастное отребье, направить его энергию и волю на большие свершения. Вернее сказать, разрушения.

Анархизмом на станции увлеклись не на шутку. Учебники истории Гражданской были на Войковской на вес золота. Самые отчаянные из идейных в костюмах химзащиты отправлялись в Великую Библиотеку за книжками Бакунина и Кропоткина. В пьяном угаре из-за нюансов идеологии могли выбить зубы или ткнуть напильником в печеньки.

Нестора обвиняли в тяготении к махновщине. Батька защищался, напоирая на то, что со временем, отсеяв случайных попутчиков, обязательно вернется на почву анархо-коммунизма.

Во времена идейных диспутов проститутки и торговцы вели себя тише воды, ниже травы. Командование принимало решения о силовых акциях, и по приказу Нестора в сторону Кольца мчались похожие на махновские тачанки дрезины с установленными на них ручными пулеметами Калашникова.

Под властью анархистов находились две последние станции Замоскворецкой линии. Жившие там люди охотно признавали себя подданными Нестора. Хоть Нестора, хоть черта, лишь бы это давало им возможность спокойно трудиться на свинофермах и грибных плантациях. О подопечных Батька заботился, проводил полезные реформы, ввел для своей шантрапы трудовую повинность и сам подавал пример бойцам. Дважды в неделю, даже с большого похмелья Нестор лично работал на свиноферме. Думал он и о просвещении подданных – требовал

все время пополнять библиотеку, расположенную на Водном Стадионе – культурном центре общины анархистов. Там, кстати, находилась и редакция малотиражной газеты, позволявшей себе (неслыханное дело, например, для коммунистов!) критику власти Нестора. Батяка без всяких оговорок твердо стоял на почве свободы слова. А вот, скажем, товарищ Москвин, генсек Компартии Метрополитена, был не в пример обидчивее. На Красной линии все сотрудники редакции давно бы уже с высунутыми языками висели на выходе из метро.

Анатолия, который молился на идеалиста Кропоткина, такая жизнь покуда устраивала. Он Батяке верил и думал, что рано или поздно Нестору удастся развернуть своих сторонников к нравственным идеалам князя Кропоткина. Войковскую Толя искренне считал второй родиной и, случись что, за удивительную ее демократию готов был бы жизнь положить. Защищать ее до последнего вздоха. Да, защищать. В этом был ключ к разгадке утренних предчувствий.

Анатолий сел на постели, потер глаза и отбросил старое пальто, служившее ему одеялом. Теперь он не сомневался – анархистам, а может, и всему Метро угрожает опасность. Но не та, что всегда – ни на что не похожая... Не таинственные существа, обитавшие в потаенных уголках и переходах подземки, куда не попадал ни один луч света. И не та нечисть, которая пыталась вползти в Метро с поверхности. Беда придет совсем не оттуда. Ее следовало ожидать от... Тут полет птицы-мысли прервался, и она камнем рухнула вниз.

Страшнее человека зверя нет. В Метро с избытком хватало людей с амбициями. Теперь ведь мир было захватить куда проще – что от него и осталось-то? Никто, казалось, и не помнил уже, что тот, большой, прежний мир сгубили люди такие вот, идейные.

«Ничего; как-нибудь все объяснится», – думал Толя, чиркая кремнем. Пальцы со сна были мертвые, бесчувственные. Огонек в керосинке, подвешенной под потолком, ожил не с первого раза.

Порядок в Толиной палатке царил идеальный.

Вольница вольницей, а в своем доме без порядка никуда. Еще Иннокентий Вениаминович любил повторять, что без порядка и уюта человек в Метро скоро озверееет. Поэтому тут у Анатолия все было по правилам, по часам. У жизни, подчиненной жестким законам Метро, существованию, были тоже свои правила, и любой сбой мог повлечь необратимые, катастрофические последствия. А виновник этого сбоя автоматически заносился в список не просто нарушителей, а самых что ни на есть преступников.

Анатолий осмотрел свое имущество, умещавшееся в углу одноместной палатки. К своим двадцати семи годам он сумел скопить совсем немного: это были его старое, изъеденное молью пальто, служившее по совместительству одеялом; грубые, слишком большие по размеру ботинки без шнурков, опасная бритва с когда-то белой, но пожелтевшей от времени ручкой, закопченный чайник, покрытую вмятинами алюминиевую кружку и сильно облысевшее махровое полотенце. Какой-никакой, а все-таки багаж.

Особой же гордостью Анатолия была личная библиотека, состоявшая всего из четырех книг, умещавшихся в футляре из-под скрипки. Первые две принадлежали перу князя Петра Кропоткина – потрепанная брошюрка «Свобода и нравственность» и книга «Хлеб и воля», потерявшая в странствиях по Метро свою обложку. Третьей была «Мастер и Маргарита» с обширными комментариями, а четвертой – томик стихов «Путь конкистадора» Николая Гумилева. Если первые две книги Анатолий раздобыл сам, обменяв их на скрипку уже в зрелом возрасте, то Булгаков и Гумилев достались в наследство от Иннокентия Вениаминовича.

Для Анатолия между революционными идеями и подлинной поэзией было что-то общее, какие-то невидимые струны были натянуты. В революции была поэзия. Разве не являлся поэтом команданте Че Гевара? Только поэт мог променять престижную должность в правительстве новой Кубы на автомат и боливийские джунгли. Кропоткин тоже был поэтом в своем роде. Он ведь не только пытался перестроить мир как революционер, но одновременно изучал

его как географ. Последним трудом патриарха анархизма стал научный доклад «О ледниковом и озерном периоде».

Только поэты и мечтатели способны сделать мир лучше, даже если весь этот мир умещается в норе под названием Метро.

Что касается томика гумилевских стихов, то он имел для Анатолия чисто символическое значение. Частичка прошлой жизни, пылинка, занесенная всесокрушающим ураганом перемен под землю, и соломинка, за которую только и мог ухватиться утопающий. Мама и папа Толины хотели, чтобы мальчик вырос художником и музыкантом. Толя и сам об этом мечтал раньше. Но Апокалипсис, превративший огромный город в руины, а все чаяния и мечты его жителей в смытые волной прилива песочные замки, заставил его передумать. В творческой области он решил положиться на профессионалов. Стихи не раз помогали ему победить тоску, которая хоть и была в Метро обычным делом, но временами становилась настолько невыносимой, что хотелось лезть в петлю. Анатолий глядел на пожелтевшие странички, и холодная волна душевного мрака разбивалась о скалу простеньких и милых сердцу четверостиший:

Я знаю веселые сказки таинственных стран.
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман
И верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

В стихах все было донельзя романтично, волшебное, непонятно: таинственные страны, любовные переживания черной девы и молодого вождя... Ничего от этого не осталось. Теперь есть только темные туннели и свинцово-серый дым костров. Теперь есть только Метро, последнее пристанище потерпевшего кораблекрушение человечества. На Войковской ценителей прекрасного было немного. Тем, кто любил высокую поэзию, в бане мыло на пол было лучше от греха подальше не ронять. Суровые нравы... Настоящим мужчинам подобало веселиться под фронтовые песни «Любэ» в собственных аранжировках. Анатолий невесело усмехнулся.

Судя по доносившемуся с платформы шуму, станция Гуляй Поле проснулась. Волей-неволей приходилось оставить размышления на цветочно-небесные темы и окунуться в простую, как табурет, реальность. Начиналась реальность утром в качалке – закутке со спортивными тренажерами, укрытом брезентовыми ширмами. «В здоровом теле – здоровый дух», – говорил Батька. Молодежь соглашалась.

Ну, тренажеры – это сильно сказано. Тренажерами на Войковской громко именовались разнообразные железяки. Спортивные энтузиасты тащили в качалку все, что хотя бы отдаленно напоминало о тяжелой атлетике. Штанги успешно заменялись ржавыми осями с шестернями и колесами, гири – тяжеленными обрезками металла, а происхождение более сложных механизмов с рычагом, пружинами и противовесами зачастую вообще невозможно было определить. Их родословную знал только друг Толи – Сергей, который все свободное время посвящал конструированию новых спортивно-механических монстров.

По платформе деловито сновали челноки. Пешком в здешние нехорошие туннели они отправлялись неохотно, старались дожидаться попутных дрезин, снабженных пулеметами. Дрезины шли нечасто, и в ожидании челноки коротали время за разговорами о том о сем, тыкали пальцами в разномастные, но одинаково засаленные карты Метро, мусолили сплетни, обсуждали бескровные маршруты.

Анатолий умылся у крана, приваренного к ржавой бочке, кивнул знакомому пареньку, отвечавшему за приготовление утреннего чая, взял с деревянного стола кружку терпкого, заваренного на грибах, напитка и пристроился на свободной скамейке. Отхлебывая чай, он смотрел по сторонам и прислушивался к разговорам. Вдруг услышит что-то... Что-то, обещанное ему тревожным сном?

– Салага! – долетело до него. – От Охотного ряда до Тверской ты транспорта днем с огнем не сыщешь. Придется пешком по туннелю топать.

Анатолий обернулся. Пожилой челнок в длинном, мятом плаще цвета хаки и широкополой шляпе, из-под которой выбивались седые космы, усевшись на огромный баул, учил жизни своего молодого коллегу – щуплого веснушчатого паренька, наряженного в спортивные штаны и короткую телогрейку, из многочисленных дыр которой неопрятными клочьями торчала вата.

– Ну и что? Пешком, так пешком, – примирительным тоном сказал парень. – Ноги не отвалятся.

– Ноги, может, и не отвалятся, а вот голова... В этом туннеле, дружок, сама Мамочка живет. Слышал? А с ней шутки плохи. Не успеешь глазом моргнуть, в боковой туннель заманит и... Поминай, как звали! Неужели не знаешь? Ходит по туннелю тетка в драном пальто, босая, с распущенными волосами и у всех встречных милостыню просит. А за руку ребятенка лет пяти с собой водит. Пацан молчит, только жалобно хныкает. Вот заведет Мамочка свое: «Подайте, люди добрые, на пропитание!», а эхо ее голос подхватит, от стен многократно отразится и превратит во что-то наподобие волчьего воя. Будь ты хоть трижды смельчаком, а поджилки-то затрясутся...

– А если подать? Сунуть ей пару патронов?

– Был такой. Из наших. Петька с Бауманской. Сунул. Мамочка за подаванием руку протянула, а вместо ладони у нее – голые кости!

– Да хорош ты! Откуда такое тут взяться может?!

– Разное люди рассказывают. Мне вот во что верится... Еще до того, как все в тартарары полетело, Мамочка неподалеку от нашей станции жила. Она тогда обычным человеком была, с мужем, с ребенком... В последние годы, ты это вряд ли помнишь, экономический кризис разразился. Муж у нее потерял работу. Кое-как они тянули еще, с хлеба на воду перебивались, а потом все-таки повезло ему. В общем, нашел хорошее место. Выехал утром на работу и не вернулся. Мамочка только к вечеру из теленовостей узнала, что маршрутку, в которой ее супруг ехал на работу, раздавил всмятку грузовик. Всем пассажирам – амба. Всю ночь Мамочка проплакала, а утром взяла сына и отправилась в Метро. Дождалась ближайшего поезда и прыгнула вместе с пацаненком на рельсы... Жуткая смерть. А когда люди вот так без покаяния умирают, то их души покоя не находят. А чтоб им не скучно было, собирают себе компанию из таких дураков, как Петька. Он, между прочим, недолго после той встречи с Мамочкой прожил. Повалился, черт знает почему, в тот туннель шастать. Будто магнитом его тянуло. А когда в очередной раз к Мамочке поперся, назад уже не вернулся. Небось, гуляет теперь вместе со своей подругой по темным закоулкам, скалится. Так-то, желторотик. Слушай старших. Мы с тобой от Охотного ряда до Тверской другим путем доберемся. Если, конечно на Обходчика не нарвемся.

– Дядь Вань... – Паренек попытался остановить челнока; но того уже понесло.

– Он похлеще Мамочки будет. Тоже мертвяк. Обходчик еще до войны в Метро объявился. Про него даже книжки писали и кино снимали. Только брехня все это. Обходчик вовсе не молотком людей убивает, а фонарем. Идешь ты по туннелю, слышишь впереди чьи-то шаги. Окликаешь, понятное дело. Тут-то Обходчик свой фонарь и включает. Свет у него не желтый и не белый, а синева-зеленый. Болезненный такой, мертвенный. Если сразу на рельсы не брякнешься и голову руками не прикроешь – пиши пропало. Фонарь Обходчика глаза живым выжигает, а уж потом... Или он тебя лично в преисподнюю утащит, или сам туда слепым приковыляешь – большой разницы нет. Самое страшное, что Обходчик может в любом туннеле объявиться. Немало он наших ребят загубил.

Анатолий допил чай. Байки о призраках он слышал каждый день: сидишь на этом самом месте, чай гоняешь, а вокруг челноки друг друга страшат. И врут, конечно, порядком, но и

правду говорят. Тут, в Метро, врать особо не нужно. Оно само любой твоей выдумки и страшнее, и изобретательнее.

В качалке уже ворочали железо человек двадцать. Толя снял свитер перед большим, треснувшим в нескольких местах и сильно помутневшим от времени зеркалом. Пригладил растрепанные каштановые волосы и бросил мимолетный взгляд на свое отражение. Из зазеркалья на него смотрел молодой человек с узким, скуластым лицом, густыми бровями вразлет, высоким, чистым лбом, тонко очерченным носом и сосредоточенным взглядом карих глаз. Чуть выше среднего роста, мускулистый и поджарый, он выглядел из-за бледности и худобы старше своих лет, как, впрочем, и большинство его выросших под землей сверстников.

Только Анатолий был поопытнее и многих взрослых. Ему уже не раз и не два приходилось участвовать в вылазках против наседавших красных, и из каждого боя он возвращался будто на год старше. На Войковской его после этих стычек зауважали. Если требовалось назначить кого-то старшим, начальство часто выбирало Анатолия: может и решение принять, и выполнить его всех заставить. А с анархистами как с волками: кого попало они слушаться не будут, тут надо быть прирожденным вожаком.

Сергея, вооружившись гаечным ключом, трудился над очередным изобретением. Он сидел на корточках под затертым, склеенным во многих местах плакатом с изображением Эрнесто Че Гевары. Анатолий лично выменял этот плакат у заезжего челнока, пожертвовав невероятным количеством патронов. Сначала хотел украсить им свою палатку, но плакат не влез, а складывать его или тем более обрезать было настоящим кошунством. В конце концов портрет бородача в берете был прикреплен к брезентовой стене качалки, а Толе пришлось объяснять друзьям, за что кубинец был удостоен такой чести. В итоге удалось добиться маленькой, но, без сомнения, важной победы: на команданте Эрнесто стали смотреть с уважением все постоянные посетители качалки.

Анатолий размялся, потянул было лежавшую на выложенном бело-розовой плиткой полу штангу с массивными колесами... И тут в качалку вошел Аршинов – коренастый мужик с невыразительным лицом общеармейского типа. На плечи у него, как бурка, была накинута замызганная офицерская шинель без погон и знаков отличия.

– Томский, срочно к Нестору... – кивнул он Толе.

Натягивая свитер, Анатолий слышал, как Аршинов перечисляет имена его друзей, тоже вызванных к Батьке. Все как на подбор – боевики. Похоже, утренним предчувствиям суждено было сбыться: намечалась серьезная диверсия. В воздухе запахло грозой.

Глава 2

Красный Никита

Анатолий, хоть и считался опытным бойцом, в палатке у Нестора раньше не бывал. Обычно диверсантов инструктировал Дед – бывший офицер-десантник, прошедший за время своей службы в российской армии несколько горячих точек. Однако неделю назад Дед пропал без вести. Старый головорез не боялся ни Бога, ни черта, и частенько отпраивался в прилегающие к Войковской туннели – вроде как исследовать их, а на самом деле просто щекотать себе нервы.

Уходил в свои экспедиции с трехдневным запасом еды, питья и махорки, чтобы потом докладывать Нестору о полезных находках и различных странностях, которые обнаруживал в бескрайних, неведомо для каких целей и кем сооруженных лабиринтах. Дед никогда не пропадавал больше чем на четыре дня, поэтому на пятый на его поиски направили специальную группу. Отряд вернулся ни с чем, и Деда перестали ждать, определив в покойники. Анатолий подумал ненароком, а не для того ли его вызвали, чтобы предложить освободившуюся вакансию?

Штабная палатка была ярко освещена. В обычных каморках царил сумрак, лишь немногим дозволялось зажигать лампадки; но в жилище командующего Повстанческой армии был подведен ток со стационарных генераторов.

Ширма популярного на Войковской – от безысходности – черного цвета разделяла палатку на две половины. В дальней находились личные апартаменты Батки. Жил Нестор чуть богаче рядовых анархистов, но комфортным его жилье назвать было нельзя.

Весь интерьер состоял из раскладушки, продавленного кресла, обшарпанного, заваленного бумагами письменного стола, тумбочки, книжной полки и старого шифоньера. Добра, положим, больше, чем у Анатолия, но даже с кабинетом какого-нибудь аппаратчика с захлавленной красной станции не сравнить.

Большую часть ближней половины занимал круглый обеденный стол. На нем была разложена карта Метро, громадная, склеенная из десятка полос комнатных обоев. Таких здоровых и подробных карт Анатолию прежде видеть не приходилось. Все привычные линии Метро были нарисованы черным пунктиром. И это было понятно. За годы, проведенные под землей, любой обитатель Метро мог назвать все станции и рассортировать их по линиям наизусть.

Ценность карты Нестора заключалась в том, что на ней разноцветными карандашами были отмечены неизвестные и не указанные на обычных картах ответвления, вентиляционные шахты и коридоры. Карта была испещрена многочисленными вопросительными и восклицательными знаками. Наверное, вопросы ставились в пунктах, которые еще не были разведаны до конца, или преподнесших разведчикам новые сюрпризы, а восклицательные знаки означали опасность. По карте были разбросаны патроны разных калибров, словно фишки на игровом поле. В нескольких жестяных банках дымились окурки.

Нестор кивнул пришедшим, и те, кашляя и оглядываясь, стали располагаться вокруг стола. Места занимались согласно незримой табели о рангах. Батка расположился в кресле с высокой спинкой и обитыми кожей подлокотниками. Начальник местной контрразведки, известный на Войковской как товарищ Каретников, а на других станциях, наверное, под другими именами, занял стул, спинка которого была сработана из красного дерева и покрыта затейливой резьбой. Аршинов провалился в брезентовый шезлонг, а семеро приглашенных ребят приткнулись на грубо сколоченных табуретах и длинной деревянной лавке.

Только теперь Анатолий заметил невысокого пухлого мужичка, настороженно выглядывавшего из-за спины Батки. В детстве Анатолий видел фильмы о Второй мировой войне и смутно припоминал форму офицеров НКВД. Именно в нее был облачен незнакомец. От темно-

синих галифе, наглухо застегнутого кителя цвета хаки с ромбиками на петлицах, фуражки с краповым околышем и синей тульей веяло музейным духом, да и глаза из-под козырька глядели смурные, казенные. Этому опереточному офицеру-энкавэдэшнику оставалось только гаркнуть «За Родину! За Сталина!», чтобы войти в образ окончательно. Незнакомец сразу и бесповоротно Анатолию не понравился.

Взмахом руки Нестор оборвал шепоток:

– То, что я сейчас расскажу, – произнес он, похрустывая пальцами, – должно остаться между нами. Да даже и соберись вы кому об этом рассказывать – не поверят... Слышал кто-нибудь из вас, молокососов, про евгенику? О попытках нацистских ученых создать совершенного человека? В СССР тоже была такая наука, и опыты ставились. Немцев за эти опыты потом под трибунал отдавали и вешали. Но это не оттого, что они преступления против человечности совершали, а потому, что Германия проиграла ту войну. А мы выиграли. А победителей не судят. И за опыты над людьми не судят тоже. До распада СССР опыты продолжались...

Молодежь снова зашепталась. Опереточный энкавэдэшник обвел говорунов нехорошим взглядом, словно мух ловил на липкую ленту. Нестор нахмурился и повысил голос:

– Потом, понятно, были прерваны, потому что кончились деньги. И смысла особого не было. А вот после Катаклизма, как выясняется... – он оглянулся на энкавэдэшника, – продолжились. На Красной линии.

– И чего они там, с золотыми яйцами людей выводят? – хмыкнул Серега.

Аршинов потянулся к нему из своего шезлонга и вlepил звучную затрецину. Остальной выводок примолк.

– Вывели уже почти, – тряхнул гривой Батька. – Вот, доносят, что красные на пороге создания... Генетического... – он с нова оглянулся на офицера.

– Генетического модификатора, – зашлепал губами энкавэдэшник. – Это как бы вирус, который запускается в организм живого человека и постепенно перестраивает его. Вирусы ведь меняют генокод...

– В общем, будут они делать сверхчеловеков, которые радиацию смогут переносить с легкостью. То, что для нас – смертельная доза, им будет – тьфу, – снова вступил Нестор. – Что это значит?

– Значит, если мы такую штуку получим... – начал было Анатолий, но Батька не дал ему договорить.

– Нет, Томский. Это значит, что если они такую штуку получают, вся поверхность над Метро их будет. Все оружие, вся аппаратура, до которых никакие сталкеры добраться не могли, – все будет их. То-то они себе империю построят! Чаша весов окончательно склонится на сторону красных. Они подомнут под себя Ганзу, потом остальные станции... Допустить этого нельзя. Мы решили взять на себя ликвидацию лаборатории и лиц, причастных к проекту. Эта чертова штуковина не должна достаться никому.

Нестор замолчал, и в штабной палатке повисла недоуменная тишина. Каретников не выдержал первым:

– Зачем же уничтожать-то? Если эта генетическая перестройка дает такие возможности, надо просто выкрасть технологию! Если у нас в руках такая сила окажется...

– И это говорит анархист? – с осуждением покачал головой Нестор. – Они же новую расу создавать собрались. Мне жизнь урок один дала: за все-то в ней, суке, платить приходится. Кто знает, чем эти сверхчеловеки будут расплачиваться за свою невосприимчивость к облучению? Будут ли они вообще людьми? А ты ими еще и управлять хочешь? Нет, брат. Я к этому не готов. И ты к этому не готов тоже.

Каретников съехался и смирился с поражением. Нестор обернулся к энкавэдэшнику и показал на него рукой.

– Забыл представить: Никита, – сказал Батька, обращаясь к собравшимся. – Он к нам прямиком с Дзержинской пожаловал. Так сказать, из самого осинового гнезда. Никита душил всю жизнь врагов народа, а потом вдруг передумал. Обидели его. Решил Никита бежать, а чтобы мы ему политическое убежище дали, он нам и принес эти ценные сведения. Баш на баш. Так?

– Я сюда по идейным соображением пришел, – затараторил толстячок. – А в доказательство искренности моих намерений готов помочь проникнуть в лабораторию на Дзержинской. Ею руководит профессор Корбут...

Никита выполз, наконец, из-за широкого Батькиного плеча, подгреб к себе карандаши и принялся чертить на карте ходы-переходы, не прекращая бубнить о своем. Анатолий следил за ним внимательно и запоминал. А другая половина его мозга работала: подсознательно он уже понимал, что его назначат командиром диверсионной группы. Вот и он, поворотный момент в судьбе.

Опять какие-то сволочи хотят насильно осчастливить человечество. Опять хотят экспериментов над телом и над душой. Будут конструировать нового человека. Неподвластного радиации... И только? «Не верю, – думал Анатолий. – Им на этом останавливаться неинтересно. Им нужен человек, совершенный во всем. Идеальный солдат. Послушный. Безжалостный. Неуничтожимый. Без личности. Шестерня, а не человек. Шестерня, из которых они будут собирать свою вселенскую мясорубку».

Что за человек Корбут? Кто бы он ни был, что бы им ни двигало, этому человеку придется умереть.

Никита божился, что сможет довести диверсионную группу к Дзержинской через Проспект Маркса... То есть, через Охотный ряд. Дайте, мол, только шанс проявить себя, доказать свою преданность... И неуловимым, перетекающим движением, как улитка в раковину, он спрятался обратно за спину Нестора.

– До Охотного еще добраться надо, – мрачно заметил Батька. – Маяковскую проскочите без проблем, там безвластие. Что до Чеховской, то придется договариваться с фашистами. Анатолий – ты старшим группы пойдешь...

Готовился Толя к этому, готовился, а все равно что-то екнуло.

– А значит, и переговоры с этими головорезами вести будешь, – наставлял Нестор. – Спросишь Малюту. Этот у них один из главных. Передашь привет от дяди Миши. У Малюты передо мной должок имеется. Думаю, не забыл. Теперь, Каретников, тебе слово.

– Всем выдадут пистолеты с глушителями. Калашы – только для отхода. Оружием, взрывчаткой и снаряжением обеспечит Аршинов. Он все подготовит заранее и встретит вас на Белорусской.

Обсуждение деталей и напутственное слово Нестора заняли еще полчаса. Все это время Анатолий пытался поймать взгляд перебежчика Никиты. Безуспешно. Тот все время прятался в своей раковине. Когда с делами было покончено и Толя с командой выбрался наружу, он уже четко знал: с этого человека глаз спускать нельзя.

Группа отправилась в столовую, а Анатолий – к Аршинову; тот стоял у одной из палаток и пытался сбить цену на бутылку самогона. В конце концов, сменив пряник уговоров на кнут угроз, он с многообещающим видом шепнул торговцу:

– Вижу, не нравится тебе на нашей станции торговать. Хочешь, в пять минут устрою, что твоего духа здесь не будет?

– Не надо! – испуганно замотал головой торговец. – Будь по-твоему. Эх, сплошные убытки с вами!

Аршинов сунул бутылку в карман шинели, кивнул Анатолию:

– Пойдем, жаждем за компанию!

– Не пью.

– А я, знаешь ли, злоупотреблю. Имею такую слабость.

– Кто уж не знает... – пробормотал Толя.

– Молчать! – Аршинов сделал внушительный глоток самогона и ткнул пальцем вверх. – Знаешь ли ты, губошлеп, что есть такое российский прапорщик?

– Ну... Звание такое армейское. – Толя мялся, не зная, как перейти к нужному.

– Ха, звание! Это не звание, а образ жизни. Метод мышления. Ни одна армия без нашего брата не обойдется. Ни там, наверху, ни, тем более, здесь, под землей. Я, соколик, неподалеку отсюда служил. Моя часть в Тушинском лесопарке стояла. Ленинградское шоссе, номер... Хотя какая теперь, к черту, разница! Нет уже ни части, ни шоссе. А я остался. Мы заранее знали, что эта хренотень начнется. Ну и начали военное имущество в спешном порядке вниз переносить.

Аршинов вновь приложился к бутылке и опорожнил ее в один глоток.

– Фу-у-у, ну и гадость. Ничего, Анатолий. На Белорусской я тебя настоящим спиртом угощу. Довоенным – пальчики оближешь. У меня ведь там не только пластиковая взрывчатка и автоматы. Все в хозяйстве имеется.

– Где встретимся?

– Деловой ты парень, Толян! – Аршинов дружески хлопнул Анатолия по плечу. – С таким в разведку идти можно, елы-палы!

Анатолий вздохнул. Операция предстоит сложная.

– И все-таки, где?

– В Караганде! Считай боковые туннели. Те, что по правой стороне. Я из девятого сигнал фонариком подам. Три короткие вспышки, три длинные и опять три короткие. Сечешь?

– Так точно.

– Ничего ты не сечешь. Я срочную в морфлоте радистом барабанил. И этот сигнал на азбуке Морзе означает SOS. Понял, голова два уха?

Анатолий кивнул, но думал не о морфлоте и не об азбуке Морзе, а о фонаре Обходчика. Болезненный, неживой – так описывал тот челнок свет фонаря, которым пользуется мертвец-Обходчик. По позвоночнику побежали мурашки. И надо ж было подвернуться этому торгашу со своими байками как раз накануне отбытия! Сколько он еще будет всматриваться в мерцающий свет чужих фонарей в темных туннелях, пытаясь определить, обычный он или...

А ведь вся жизнь в Метро – сплошь походы в эти треклятые туннели. Так и крыша поедет. Нет! Нужно мыслить рационально. Нет никаких Обходчиков и Мамочек в Метро, нет! Эти дурные страшилки выдуманы людьми из подленького желания напугать тех, кто еще глупее их, а потом полюбоваться, что выйдет. Болезненный? Мертвенный?

А что, скажите на милость, выглядит не болезненным и мертвенным в этом дивном новом мире? Например, свиньи. Как бы бодро они ни хрюкали, не заколи такую – сама от рака сдохнет. Да и нормальными их назвать язык не поворачивается... На Речном Вокзале, вон, шепчутся, что у свиней чуть ли не коллективный разум, и то ли свинари там пасут свиней, то ли наоборот, никто не поручится. И грибы уж точно мертвенно-бледные. И дети у людей в метро мертвенно-бледные родятся. Откуда в подземелье румянцу взяться?

С унылым скрипом подкатила на излете мотодрезина, отрывая Толю от мыслей о борьбе с привидениями. Управлял ею человек, измазанный в солярке до того, что никакие Обходчики ему и в подметки не годились. На черном от машинного масла и копоти лице улыбка выглядела особенно белозубой, как у негров в кино. Водила, заметив прапорщика, дурашливо отдал ему честь. Прощаясь, Аршинов пожал Анатолию руку.

– До скорой встречи. Помни: три коротких, три длинных и опять три коротких. Девятый туннель. Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить! – запел он во весь голос. – С нашим атаманом не приходится тужить!

Покачиваясь и распевая неофициальный гимн Повстанческой армии, Аршинов неточно прыгнул с платформы на дощатый настил мотодрезины, поднял лежавший автомат и уселся на деревянной лавке, положив оружие на колени.

Анатолий направился в другой конец платформы, где располагалась общая столовая. Обитатели бывшей Войковской, когда находились в хорошем настроении, были людьми покладистыми и гостеприимными. Съестных припасов, доставлявшихся в Гуляй Поле с подшефных станций, хватало с избытком, поэтому гости, независимо от звания и статуса, всегда могли рассчитывать на миску жидкого грибного супа и кусок соленого сала. Слава анархии. Вот и сейчас, сидя на длинных лавках, ели, курили и запросто общались между собой как коренные жители Войковской, так и совсем незнакомые Анатолию люди.

Семеро диверсантов расположились за отдельным столом и в ожидании командира тихо переговаривались между собой. Анатолий знал каждого из ребят поименно. Некоторые из них обосновались на Войковской раньше него, привлеченные сладкими идеями об истинном равенстве и братстве. Другие, прослышав о веселом нраве анархистов, подтянулись относительно недавно. В основном это все были Толины ровесники, крепко сбитые парни, готовые в любой момент полезть в драку.

Анатолий уселся между другом своим Сергеем и самым молодым из диверсантов, курносый Колян. Колян был совершенно помешан на восточных единоборствах и вечно доставал библиотекарей с Водного Стадиона бесконечными требованиями выдать ему очередную партию самоучителей по кунг-фу и айкидо. Ребром ладони Колян всегда стучал о твердую поверхность: так закалялась сталь. Сейчас он глухо барабанил о деревянный стол, чтобы ни секунды – даже за едой – не прошло без пользы для дела.

– Уделаем этих изобретателей яйцеголовых! – убеждал он Сергея. – На раз-два!

– Заткнись, Колян. – Сергей с хмурым видом зачерпнул ложку супа. – У нас такого дела еще не бывало. В самое логово лезем. Передушат как котят, и тебя первого...

Толя хотел приказать Сереге замолчать, всыпать ему за паникерство, но слова застряли в горле. Командир посмотрел на сосредоточенные лица своих подчиненных и вдруг проникся их настроением. Перед глазами встала картина трехлетней давности...

Мешки с песком, растрескавшийся бетон стен, обрывок кабеля, который свисал с потолка, словно оборванная петля, из которой только-только достали висельника, маленький пятячок света костра на сотом метре. К тому времени Анатолий дежурил уже, как ему казалось, раз сто и считал дозоры скучной и безопасной по большому счету рутинной. Беспокоиться вроде как было не о чем. В тот раз его наряд охранял туннель, идущий в сторону дружественных станций – Водный Стадион и Речной Вокзал. Из темноты могли появиться разве что сменившиеся работники свинофермы или обоз дрезин, нагруженных провиантом.

Четверо часовых дожидались смены, коротая время в ленивой, беспредметной беседе. Вот тогда, в той сонной, спокойной обстановке Анатолий и почувствовал запах смерти. Кто-то говорил, кто-то смеялся, а Анатолий вдруг выпал из обоймы. Он покрутил головой, оглядываясь по сторонам, словно надеялся увидеть неких духов, которые струились через паутину трещин в стенах, наполняя все его существо смесью мутного ужаса и безудержной паники. Что это? Кто? Откуда появится?

В таком состоянии Анатолий провел с минуту, но минута растянулась на час. А затем раздался звук, заставивший встрепенуться всех остальных. Определить его источник было несложно.

В двадцати метрах от блокпоста в стене туннеля зияли два черных прямоугольника – двери, ведущие в подсобные, тупиковые помещения. Сухое, переходящее в тихий треск шуршание донеслось из ближней комнаты. Первым вскочил на ноги рыжий Митяй... Повел ство-

лом автомата... Прикрученный к нему фонарь осветил серые стены, покрытый пятнами сырости потолок и ржавые рельсы.

– Чего это там?

Шуршание и треск стихли, но Митяй все никак не мог успокоиться.

– Ребят... Вы сидите, а я гляну пойду. А то самому стыдно, что чуть не обделался. Там же глухо все, сколько раз уже...

Он двинулся к двери подсобки. Анатолию захотелось остановить его, но вместо этого он, будто загипнотизированный, просто продолжал наблюдать за перемещением конуса света. Митяй добрался до двери, посветил внутрь и обернулся к товарищам:

– Ничего здесь нет! Пусто!

Опустив автомат, он вошел внутрь помещения и... Эхо разнесло его вопль по всему туннелю. Потом уши резанул треск автоматной очереди. Часовые в считанные секунды пришли в себя и рванули на помощь другу. Однако к тому моменту, когда троица влетела в комнату, готовая прошить свинцом все, что шевелится, помещение было пустым. Митяев автомат валялся на полу рядом с решеткой вентиляционного отверстия. Анатолий хорошо запомнил эту решетку. Сваренная из стальных прутьев толщиной в палец, она была искорежена, раздавлена и погнута неведомой силой, будто была из жести... Решетка прикрывала горловину вентиляционного рукава шириной не больше человеческой головы. Однако Митяй исчез в ней целиком! Кроме нее, ему деваться из комнаты было некуда. Вокруг зияющей дыры алели пятна крови с прилипшими клоками рыжих волос. Анатолий отлепил их осторожно и отнес Митяевой матери – похоронить сына. Больше от того ничего не осталось.

И не отпускала с тех пор Толю мысль, что он почувствовал опасность за минуту до того, как все началось. Уже тогда он точно знал – кто-то умрет...

Анатолий вернулся к реальности, потер лоб, чтобы отогнать видения, посмотрел на успевшие опустеть тарелки товарищей и встал с лавки.

– Далеко не расходиться, – хрипло скомандовал он. – Через час всем быть на платформе.

Он вернулся в свою палатку и зачем-то достал футляр от скрипки. Сунул за пазуху брошюрку анархистского евангелия, а в карман – томик стихов. Кто знает, вернется ли когда-либо на Гуляй Поле он сам?

Зашнуровывая пустую палатку, Толя вдруг улыбнулся. Вспомнилась вычитанная в какой-то книжке деталь похорон египетских фараонов. Отправляясь в путешествие по загробному миру, те брали с собой все, что могло пригодиться на этом многотрудном пути. Метрополитен в его нынешнем виде немногим отличался от загробного мира. Выходило, что он поступал в лучших традициях сгинувшей древней цивилизации. Символический, как ни крути, жест...

Глава 3

Фульминат ртути

Перекличка. Все Толины бойцы были тут. Коренастый громила Гриша, тощий, как жердь и нескладный Макс, щекастый, вечно улыбающийся толстяк Димка, угрюмый очкарик Артур, Колька-каратист и спортсмен Серега. Все разные. Все родные...

Вместе с командиром в группе было семь человек.

Эх, великолепная семерка... Дай бог, чтобы вернулись тем же составом.

Они поочередно прыгнули на рельсы туннеля. Добираться до Белорусской решили налегке, поэтому по калашу получили только ведущий и замыкающий, но и они старались не показывать, что вооружены. Восьмым был Никита. Он успел сменить свою слишком уж броскую форму на серый потертый пиджак, брюки с пузырями на коленях и стоптанные ботинки. На круглом его лице отчетливо читалось выражение брезгливости. Никита явно не желал выглядеть так, как обычные жители Метро.

Наверняка там, откуда он пришел, к его персоне относились с бóльшим уважением, чем на Войковской. Небось, этого белоручку чуть не в паланкине носили! Даже спуск с платформы дался Никите непросто. Анатолий приглядывал за толстяком, пока тот неуклюже барахтался, медленно, на животе сползая на пути, вместо того, чтобы просто прыгнуть. И вроде бы Толя хотел позлорадствовать над тем, как толстяк знакомится с настоящей жизнью, а не получалось. Не оставляло ощущение, что тот пыжится нарочно...

Впрочем, если Никита принадлежал к руководству Дзержинской, то, скорее всего, редко спускался в туннели, пользуясь в этом случае специальными лестницами для высокопоставленных чиновников. Ничего, при таких весо-ростовых показателях Никите будет полезно прогуляться пешком и сбросить пару лишних килограммов.

Перед тем как нырнуть в жерло туннеля, Анатолий оглянулся. Станция продолжала жить в привычном ритме. У облицованных белым мрамором колонн, разбившись на группы по интересам, беседовали, оживленно жестикулируя, люди. В свете тусклых двадцати пяти ваттных лампочек их лица казались слепленными из воска. По белому кафелю стен металась тень. Эта плитка отчего-то действовала на Анатолия угнетающе. Наверное, в связи с тем, что Войковская изначально не принадлежала к числу элитных станций метро, ее и выложили белым кафелем, больше подходившим для ванных комнат, бань, моргов и научных лабораторий.

И у этого Корбута, может быть, такой же плиткой лаборатория облицована... И вся плитка, небось, в кровище. Толя себе вдруг даже слишком отчетливо это представил.

Группа вышла за пределы станции. Никита, косолапо переваливаясь, семенил в середине отряда. Анатолий задержался, ухватил толстяка за руку и придержал. Подождал, пока весь отряд минует их, и только тогда пустил перебежчика – в самом конце, рядом с собой.

Таким порядком они миновали кордон на сотом метре. Четверо часовых узнали своих, поприветствовали группу. Никто не промолвил ни слова, а значит, и говорить было не о чем – ничего экстраординарного за время дежурства не произошло.

Десять, двадцать, тридцать минут единственными звуками оставались их мерные шаги.

Шли молча. Начнешь в этом месте разговаривать – пиши пропало. Иной еле слышный шум, если его вовремя не уловишь, может потом таким обернуться... Дальше-то, за Соколом и за Аэропортом, все вроде спокойное, обитаемое. Динамо вообще промышленный центр – на все Метро кожаные куртки шьют. На Белорусской только вот сменился режим, и творится сейчас черт-те что... Но людей, вроде, пока и там не вешают. Пройти бы, в общем, первый туннель...

Нормально. Отлегло.

Миновали Сокол и снова замелькали чугунные тубинги: серый, черный, серый, черный...

Тень, свет, тень.

Как в черно-белом кино. И вдруг кроваво-красным пятном...

Анатолий первым заметил надпись, сделанную поперек свода туннеля темно-красной краской. Фраза «Кто здесь не верит в Зверя?!» в точности повторяла изгиб потолка, и сделавший ее шутник готов был разбиться в блин, чтобы не слишком отклониться от идеальной параболы. Анатолий этих стараний не оценил и с тревогой посмотрел на ребят, но те если и заметили надпись, то не придали ей большого значения. Зверей в Метро хватало, причем большая часть их ходила на двух ногах.

Луч фонарика выхватывал из мрака полукруглый свод, стены с торчавшими из них ржавыми кронштейнами, на которых покоились вены и артерии Метро – кабели в толстой изоляции, трубы самых разных диаметров. Они сходились, расходились, сплетались, ныряли по отдельности в бетонный пол и вновь соединялись, чтобы разделиться на более тонкие провода и заполнить в развороченные силовые щиты с бесполезными и никому уже не нужными рубильниками.

Много лет все эти бесчисленные коммуникации бездействовали, но означало ли это, что кровь Метро перестала течь по его сосудам и затаившийся под землей громадный зверь умер, а теперь медленно разлагается? На первый взгляд все так и выглядело, но если не довольствоваться беглым осмотром, а присмотреться внимательнее, то картина становилось совсем другой. Зверь не умер, но, как и вся прочая живность, он мутировал. Катастрофа заставила эволюцию свернуть и продолжить движение по иному пути. Кабели и трубы, бывшие жилы Метро, сгнили и атрофировались.

Теперь носителями жизненной энергии Метро стали его обитатели – люди и новые существа, неизученные формы жизни. А артериями стали сами туннели. По ним текла новая кровь Метро. Значительно медленнее, чем раньше, и не так ритмично, как в лучшие годы, но все же текла. Сгущалась на жилых станциях, постепенно иссыхала там, где никто не жил. Жизненные циклы Метро замедлились, но оно продолжало жить и развиваться...

В нем теперь разворачивалось сореживание: человек против новых созданий. Причем никаких гарантий того, что именно человек победит в этой гонке, не было. Первый приз в этом сореживании достанется сильнейшему, но не обязательно бывшему венцу творения.

От размышлений Анатолия отвлек тихий разговор. Так было всегда. Вхождение в туннель было своеобразным ритуалом: все хранили молчание и были сосредоточены. Однако не проходило и часа, как молчание становилось невыносимым, бдительность притуплялась. Потому-то и невозможно молчать, что слишком страшно, эта глухая темнота прямо-таки тянет тебя за язык. Тогда-то и начинались откровенные беседы-рассказы. Обстановка была располагающей: тихонько болтали о всяческой дьявольщине; о жутких происшествиях с участием всевозможных привидений, сотканных из туннельного мрака чудовищ и конечно же мутантов.

В Метро нынче уже все, наверное, чуть-чуть мутанты. Радиация потихоньку просачивается с поверхности и травит, корежит людей. Недавно вот встретил Толя мутанта настоящего... Мальчугана лет десяти, попавшего на Войковскую вместе с матерью. Никого пожирать мальчик не собирался. От обычных людей он отличался только лишенной волос головой, по-стариковски глубокими морщинами на лице и лишним, шестым пальцем на левой руке. Во всем остальном парень выглядел и вел себя, как обычный ребенок. Наверняка он бы с большим удовольствием сошелся с войковскими сорванцами, пошалил с ними вместе, но те не спешили принимать пришельца в свои ряды и только упорно лезли рассматривать его уродливую руку. Мальчик жался, прятал ладонь за спиной, а Толя смотрел за жестокой детворой и думал, что в искусстве сотворения чудовищ природе никогда не угнаться за людьми.

Анатолий взглянул на Никиту и повеселел; стрелка на дозиметре его настроения подскочила сразу на несколько делений. От образов лощеного офицера и брезгливого мужичка в гражданском не осталось и следа. Туннель сделал свое дело, стер с облика Никиты все лишнее и напускное, обнажив его мелкую сущность. Выражение лица перебежчика было таким, словно он собирался вот-вот расплакаться. В маленьких глазках поселился страх. Никита беспрестанно оглядывался, всматривался во мрак и прижимался к Анатолию плечом. Ботинки с чужой ноги успели натереть Никите пятки: теперь вдобавок к остальным бедам он начал сильно прихрамывать. Как же он на Войковскую-то один добрался? И опять Анатолию показалось, что Никита страдает с преувеличенным старанием.

Если бы на его месте был кто-то другой, Анатолий обязательно сделал бы короткий привал, но к гостю с Дзержинской он не испытывал жалости. Безумные ученые со своими сатанинскими опытами (или, наоборот, ученые с очень холодным и расчетливым умом) были послушным орудиями в руках таких вот неприметных толстячков. Чтобы экспериментировать над живыми людьми, всегда нужна политическая воля.

А может, Анатолий заблуждается на счет этого тюфячка? Никита, несмотря на внешность слабака, на повадки хитреца и на погоны палача, в боевых условиях мог оказаться отличным парнем. Толю заело чувство справедливости, будь оно неладно. Он открыл рот, собравшись хоть как-нибудь подбодрить перебежчика, но его отвлек шепот Кольки.

– Безголовые мутанты? Не верю я в эту чушь, – говорил он кому-то невидимому в темноте. – И раньше не верил, а после того, как мне одна книжечка в библиотеке на Водном попала, точно знаю, никаких безголовых мутантов не существует. Книжка та называлась «Хексенхаммер». В переводе – «Молот ведьм». Средневековое руководство по борьбе с ведьмами и колдунами. Ерунда, в общем-то. Но кое-что интересное я там вычитал. Какая-то там ведьма на допросе призналась, что в колдовских обрядах ей помогали черный кот и безголовый ребенок по имени Укусный Том. Слова про этого безголового ребенка ей вместе с ногтями выдирали, или на дыбе из нее вытягивали. В здравом уме человек такого придумать не может. Думаю, у нас либо кто еще «Хексенхаммер» прочел и распустил по Метро байку о безголовых мутантах, либо под пытками сморозил.

Кольке никто не ответил. Он кашлянул и тоже затих. Навалилась тишина.

Прошли кордоны Аэропорта – сытого, довольного, прихрюкивающего вместе со всеми своими свиньями. С Аэропортом и с Динамо у Батки были личные договоренности: он их не грабит, а те, если надо, пропускают его бойцов на операции. Так и сейчас: шепнули правильное слово командиру дозора, тот понимающе кивнул, и часовые расступились. Пытались как-то тут нарушить уговор, и тогда вместо челноков с товарами на Аэропорт хлынули гуляйпольские тачанки. Утряслось...

Отряд снова ушел в туннель. Миновал четвертый ходок по правой стороне. Получалось, что половина пути осталась позади. Толя оглянулся, проверяя, чтобы никто не отстал. Необходимости кого-то подгонять не было. Диверсанты двигались цепью, в полуметре друг за другом.

Еще полчаса прошло в тихих перешептываниях. Анатолий считал шаги, отслеживал сплетения кабелей. Где-то сейчас будет пятое ответвление... Сейчас... За этим изгибом туннеля.

Никита, прибодрившийся было на станции, теперь совсем раскис от боли в ногах и жалобно постанывал. Анатолий хотел его приструнить, но вдруг замер. Впереди отчетливо послышалось странное шуршание и похрустывание. Вот оно...

Сергей, шедший первым, застыл как вкопанный и растерянно оглянулся на Толю. Нет, это не галлюцинации, Серега...

Оставив хромоногую перебежчика, Анатолий перебрался во главу колонны и взял у ведущего автомат с фонарем. Прижимаясь к левой ребристой стене, обогнул поворот. Звуки смолкли, и в туннеле стало так тихо, как в могиле. Анатолию казалось, будто все слышат удары

его готового выпрыгнуть из груди сердца. Выждав несколько секунд, он направил луч фонарика в зияющий черный прямоугольник бокового ответвления.

В круге света стали видны глыбы бетона, ошестинившиеся ржавыми прутьями арматуры, и покрытая трещинами стена. Анатолий не стал уверять товарищей, что в тупиковой ветке ничего живого нет (привет, Митяй!). Он все продолжал водить лучом по нагромождению кусков бетона. Секунды тянулись как мазут. Вроде, пусто... Шут его знает!

Анатолий осторожно пересек рельсы и приблизился к проему.

Сейчас в помещении действительно никого не было, но в том, что в нем кто-то побывал, не было сомнений. Причем этот «кто-то» не мог быть человеком по двум причинам. Во-первых, ни один человек, находящийся в здравом уме, не стал бы так зло и так бессистемно ломать и крошить бетон. Никакой выгоды в этом занятии не было. Во-вторых, пол комнаты был вздыблен, будто кто-то рвался снизу сквозь цементную скорлупу, стараясь прошибить ее головой. Какой уж тут человек...

Ну разве что кто-то предпочел воспользоваться взрывчаткой?

А больше всего это походило на то, что некое громадное червеобразное существо пыталось выбраться здесь из-под земли. Анатолий забрался лучом чуть подальше... И выбиралось! Господи... В полу зияла черная дыра. Видно, оно вылезло, огляделось, если могло видеть, и убралось восвояси.

Убралось, и слава богу. Может, завалить его нору?

Однако времени на эксперименты не было. Анатолий вернул оружие ведущему. Когда опасный участок остался далеко позади, Анатолий нахмурился. Ему очень хотелось вернуться и проверить одну мелкую деталь. Когда он только огибал поворот, краем глаза зафиксировал что-то лежавшее поперек рельс. Черное, круглое и тонкое. Предмет мог быть обрезком кабеля или шланга. В тот момент Анатолий полностью сосредоточился на осмотре нагромождений бетонных глыб и сразу забыл о предмете на рельсах. А теперь был готов поклясться: когда они уходили, шланга на рельсах уже не было. Сбросить этот малозначительный факт со счетов было проще простого. Однако Анатолий твердо усвоил: малозначительных фактов и лишних деталей в темных туннелях не бывает. Несущественные мелочи в любой момент могли слиться в глобальную угрозу, а ерунда, которую ты проигнорировал, может, в конечном счете, стоить тебе жизни.

Итак, каким образом мог исчезнуть предмет, который он точно видел? Одно из двух: кто-то его убрал или этот странный шланг мог вполне передвигаться без посторонней помощи. Если принять в расчет странные звуки, развороченный пол и случай с Митяем, то выводы напрашиваются самые неутешительные. Откуда такая огромная дыра была в полу?

Сзади раздался похожий на шипение стон, и Анатолий оглянулся. Никита с его опущенными плечами и поникшей головой выглядел как приговоренный к смерти узник концлагеря. Перебежчик был похож на вдовца, которому в жизни уже ничто не мило. В каждом его движении сквозили и обреченность, и покорность судьбе. Какого черта он тогда ввязался в эту авантюру?

Отряд вступил на Динамо. Отсалиutowали разжиревшему караулу в фирменных кожанках и под бдительным взглядом провожатого (как бы не утырили чего анархисты-нищелброды!) прошли мимо долгих рядов каморок-пошивочных, мимо скатанных в рулоны свиных шкур, и свиных шкур, распятых на сушилках, и свиных шкур, утопленных в ваннах с краской... На все Метро тут шили кожаные куртки.

Их довели до выхода в туннель, ведущего к Белорусской, и отпустили с богом. Анатолий снова принялся считать боковые коридоры. Седьмой, восьмой...

У девятого коридора Анатолий объявил привал. Место встречи...

Ответный сигнал из темноты он получил не сразу. Аршинов, видно, осторожничал и заставил себя прилично подождать, прежде чем ответил условленными вспышками фонарика.

Анатолия это разозлило: старый пропойца держит его отряд за сосунков, пытается припугнуть?!

Проучить наглого прапора! Толя шагнул в туннель, не зажигая света. Касаясь рукой стены и стараясь двигаться бесшумно, он направился навстречу Аршинову. То, что поставщик оружия был когда-то прапорщиком-морпехом и служил на флоте, Анатолий узнал сегодня, но иметь дело с Аршиновым-анархистом ему приходилось и раньше. Когда дело доходило до дискуссий, которые время от времени стихийно возникали на Войковской, красномордый и внешне недалекий пьяница вдруг превращался в искусного спорщика. Попыхивая самокруткой, он внимательно выслушивал оппонентов, а затем отражал их доводы. Пусть не слишком изящно, зато всегда точно и убедительно. Будто с ним фехтовали на шпагах, а он отвечал кочергой. И тогда становилось ясно, что это человек недюжинный, быстро соображающий и свободно владеющий оружием слова, не говоря уже о матчасти. Аршинов видел в анархии только неограниченную свободу и считал, что человек рано или поздно научится правильно ею пользоваться. К рассуждениям Анатолия о справедливости и нравственности Аршинов относился снисходительно, в стиле «поживешь с мое, и сам все поймешь».

Толя вот как раз относился к тем, кто фехтовал в дискуссии даже не рапирой, а легкой парадной шпагой, и его мало кто воспринимал всерьез. И из товарищей его понимал и поддерживал только верный Серега. Но, может, и просто так поддерживал, по дружбе. А вот устами Аршинова глаголало большинство войковцев.

В полной тьме Толя прокрался метров сто. Он уже предвкушал, как застанет прапора врасплох, но тут уперся лбом в холодное. В ствол пистолета. В лицо ударил свет фонарика.

– А, это ты... Молодец, что сам догадался навстречу пойти. – Аршинов опустил оружие, перевел луч фонаря на сваленные у стены рюкзаки и кивнул: – Зови своих ребяток. У меня все готово. Только Никиту на всякий случай там оставь.

Анатолий глянул на Аршинова, ожидая увидеть торжествующую гримасу, мол, научил салагу! Но лицо прапора оставалось непроницаемым. Пришлось стреножить уязвленное самолюбие и выполнять указания. Когда подошли остальные и были открыты рюкзаки, вся группа радостно зашептала. С одеждой и обувью на Войковской, как и во всем Метро, всегда были большие проблемы. А среди запасов Аршинова нашелся десяток комплектов малоношенной камуфляжной формы, семь пар удобных армейских ботинок на шнуровке. Даже сообщение прапорщика о том, что по возвращении диверсантам придется сдать казенное имущество и облачиться в собственное тряпье, никого не расстроило. Мальчишки оставались мальчишками и даже в новом мире продолжали радоваться всем атрибутам игры в войнушку.

– Где вы все это только берете? – сверкнул глазом жадноватый Колька.

Аршинов многозначительно воздел палец кверху:

– Нам это послано небесным прапорщиком! – и загоготал.

Сменив разномастное анархистское тряпье на военное обмундирование, бойцы подтянулись. Выстроились перед Анатолием в шеренгу – теперь уже одинаковые, как патроны в автоматном рожке. Нацеленные на станцию Дзержинская. И Толе ими стрелять...

Анатолий, Серега и Колька получили пистолеты с глушителями и по две запасные обоймы. Еще двое с автоматами. Остальным пришлось довольствоваться армейскими ножами. Не бог весть какое оружие, но в умелых руках способно на чудеса. «Справятся», – убеждал себя Толя, глядя, как его пацаны играют ножами.

Справятся ли?..

Пока суд да дело, Серега собрался закурить, но Аршинов почти ласковой оплеухой выбил у него изо рта самокрутку и растер ее мыском ботинка.

– В другом месте накуришься, рядовой! Толян! Пойдем, пошепчемся.

Аршинов снял со спины рюкзак, пристроил фонарик так, чтобы свет падал в нужное место, присел на корточки и вытащил устройство, состоящее из десяти красных цилиндров,

перехваченных двумя полосками липкой ленты. Этими же полосками к цилиндрам крепились простой будильник с обшарпанным корпусом и незнакомое Анатолию устройство с круглым циферблатом и единственной стрелкой. Вокруг взрывного устройства вились тонкие провода в желтой и красной изоляции. Они были присоединены к гильзе и небольшому контейнеру с тремя батарейками.

– Все просто. – Аршинов ткнул пальцем в мину. – Сюда вставлен поджигатель накального типа, а сама гильза заполнена ртутным фульминатом. Электронный таймер подключен к электрической схеме через будильник и выполняет функцию переключателя замедленного действия. Устанавливаешь таймер на нужное время, поджигатель воспламеняет фульминат ртути, а полученная в результате зажигания ударная волна приводит к единовременной и немедленной детонации основного заряда. В общем, трах-бабах – и от лаборатории не останется и следа. Желаю тебе находиться на приличном удалении, когда это произойдет.

– А это точно сработает?

– Не бойсь. Я такие игрушки уже сто лет леплю. Главное – провернуть все спокойно даже в том случае, если у тебя на все про все будет меньше минуты.

Анатолий кивнул, спрятал мину в рюкзак и повесил его себе на плечо. Группа вернулась к дрожавшему от страха Никите, которого прапорщик не удостоил даже взглядом. Согласно указаниям Нестора, Аршинов должен был провести отряд через Белорусскую. Подготовка к последнему переходу заняла несколько минут. Было приказано спрятать оружие и постараться вести себя на станции так, чтобы привлекать как можно меньше внимания.

Группа двинулась вперед. Аршинов вместе с Анатолием замыкал шествие и отдавал последние напутствия.

– Я вам в рюкзаки кое-какой жратвы положил. Перекусите в туннеле. На Белорусской задерживаться не станем. Там и агентов Ганзы полно, и красных шпиков. Обязательно интересоваться будут, куда и зачем такие орлы направляются.

Анатолий прекрасно понимал опасения Аршинова. Белорусская-радиальная отличалась от многих прочих станций тем, что придерживалась нейтралитета. Еще полгода назад тут все было иначе: станция наслаждалась своим положением торгового придатка Ганзы и процветала. Но случился на ней какой-то переворот, то ли выборы, и к власти пришли другие люди. Новое руководство упорно избегало союзов и политических, и военных, улыбалось вежливо и кольцевым, и красным, и фашистам, и сектантам, и ни с кем на сближение не шло. Тактика эта называлась тут «третьим путем развития».

Подведомственные Белорусской свинофермы и грибные плантации должны были развиваться и процветать согласно некоему плану, в котором присутствовали элементы хозяйствования, практикуемые в Ганзе, смешанные с идеологическими установками коммунистов. В результате такого смешения абсолютно разнородных стратегий получился весьма странный и очень бестолковый суррогат. Реформы, проводимые руководством Белорусской-радиальной, породили целую армию чиновников-бюрократов.

Они говорили правильные речи и обещали рядовым труженикам ферм и плантаций скорое наступление экономического чуда. Однако, несмотря на лозунги, хозяйства стремительно пустели и приходили в упадок. Их работники, так и не дождавшись чуда, стали уходить на другие станции. Когда всем стало ясно, что третий путь ведет в тупик, лидеры Белорусской начали беззастенчиво пользоваться выгодным расположением станции. Они требовали экономической помощи у Содружества Станций Кольцевой линии заявляя, что защищают Ганзу от нападений со стороны радикалов с Замоскворецкой и Красной линий. До сведения коммунистов доводилась информация другого рода: тут Белорусская выступала в роли барьера, ограждавшего Красную линию от провокаций и посягательств Ганзы.

Умело лавируя между двумя лагерями, с помощью попрошайничества и откровенного шантажа руководство Белорусской довольно сытно кормилось за счет подачек с той и другой

стороны. Что касается рядовых трудяг, то их побеги из «рая» заканчивались депортацией на родную Белорусскую, согласно принятым там законам. Анатолий несколько раз бывал на станции, огни которой уже виднелись впереди, и знал, что встретит там хмурых людей с настороженными взглядами, режущую глаз чистоту и множество подозрительных особ, в которых можно было безошибочно распознать наушников и доносчиков.

– Слышь, Анатолий, а ты ничего подозрительного по дороге сюда не видел? – неожиданно громко спросил Аршинов.

Анатолию очень хотелось поделиться своими наблюдениями, но он боялся быть поднятым на смех.

– А что я должен был видеть?

– Ну... Щупальца, например...

Анатолий едва удержался от того, чтобы не крикнуть: «Да!» Точно, Аршинов попал в самое яблочко. То, что лежало на путях и выглядело шлангом, могло быть именно щупальцем неведомой твари. С этой позиции все объяснялось до смешного просто. Чудовищу незачем было показываться полностью. Оно выползало из-под земли, находило подходящее место для засады и убиралось в свое логово, оставляя на поверхности лишь малозаметные в темноте щупальца. Анатолий кивнул подбородком на ребят, посмотрел внимательно в глаза прапорщику и преувеличенно твердо заявил:

– Не было там никаких щупалец.

Аршинов понял.

Из темноты выплыли оранжевые языки костра, потом черным силуэтом замаячила чья-то фигура. В ответ на суровый окрик Аршинов расхохотался, назвал часового по имени и посоветовал ему лучше следить за чистотой своих штанов. Когда группа проходила мимо блокпоста, прапорщик остановился, чтобы поболтать с охранниками. Предложив им закурить, он щедро сыпанул в протянутые ладони грибной махорки. Часовые отвлеклись, и диверсанты проскользнули на Белорусскую, избежав лишних расспросов. Анатолий и Никита поднялись на платформу последними.

Проходясь по выложенным в шахматном порядке плитам, Анатолий осмотрелся и понял, что с момента последнего посещения Белорусской на ней многое изменилось, и не в лучшую сторону. В массивных люстрах осталось совсем мало лампочек. Раньше хрустальные красавицы ярко освещали затейливую лепнину на сводчатом потолке, а теперь из-за недостатка света тени на нем стали такими густыми, что выглядел он весьма угрюмо. Аборигены Белорусской общались между собой вполголоса, смеха не слышалось вовсе. Анатолий с ребятами остановился у одной из колонн. Толя случайно зацепился взглядом за пухлое лицо Никиты. Тот уже не выглядел потерянным и почему-то улыбался.

Глава 4

Цербер

Аршинов распрощался с группой за блокпостом, охранявшим вход на Белорусскую со стороны Маяковской. Он долго тряс Анатолию руку, желал удачи и все сокрушался, что Нестор его слишком тщательно оберегает как ценного специалиста. Непонятно было, шутит он или нет. Но на задании прапор мог бы им очень пригодиться.

Этот красногордый стареющий верзила, пока был трезв, вообще мог стодиться на многое. И сноровки армейской он еще не утратил – Толя вспомнил, как ткнулся лбом в пистолетный ствол.

А уж его знания в области взрывных устройств были бы точно как нельзя кстати. Фульминат ртути! Аршинов говорил об этом химическом соединении, как об обычной воде. В его случае даже скорее как о водке. Был бы он еще с Толей солидарен политически... Равенство там... Братство... Справедливость вселенская...

Нет, у Аршинова своя правда. Он-то знает, что с типами вроде Никиты, и с его друзьями-коммуняками, и с фашистами, да и с доброй половиной Метро иначе как на языке фульмината ртути и тротила не разговоришься. Попробуй их пронять рассказами о справедливости... Горбатого исправит только могила.

И опять тупик! Если рассуждать таким образом, чем ты тогда лучше тех, кого ненавидишь и презираешь? А, дьявол!

«Нет, проповеди проповедями, а хирургическое вмешательство, в разумных пределах, все же необходимо, – решил Анатолий. – Иногда. Есть случаи, когда без него не обойтись. И сейчас как раз такой случай. Если позволить улучшать общество разным Корбутам, то недалек тот день, когда беседовать о солидарности и справедливости станет попросту не с кем».

Во всяком случае, учиться можно и нужно всегда, и всему, и в любое время. Кто знает, что может в жизни оказаться полезным? Взять, к примеру, того же Серегу. По отношению к нему Анатолий вроде как выступал в роли гуру. Читал и цитировал на память наиболее полюбившиеся места из Кропоткина, трепался о мистике, насквозь пропитавшей каждую строку «Мастера и Маргариты». Сначала тот поддавался туговато, но потом что-то в нем скрипнуло, и пошло-пошло-пошло... Сперва искра какая-то зажглась в глазах, потом он стал у Толи книжки одалживать. Потом сам себе купил на получку. И при этом Толя ни разу не удосужился поучиться у друга механике.

А ведь если положить на одну чашу весов навыки Аршинова во взрывном деле и талант к механике Сергея, а на другую – непоколебимую Толину уверенность в том, что путь, указанный Кропоткиным, – единственно верный, то Анатолию с его князем Петром Алексеевичем в прекрасном новом мире Метро делать нечего. Туго придется. Время теорий прошло, нынче практики нужны!

Анатолий поправил съехавшую набок ляжку рюкзака. Взглянул на Никиту. Короткая остановка на Белорусской пошла тому на пользу. Перебежчик больше не сутулился и почти не хромал. А чего хромать и сутулиться? Небось, встретился взглядом со связником, убедился в том, что товарищи не собираются оставлять его на растерзание анархистам, и теперь спокойно продолжает выполнять свою миссию. На родном Проспекте Маркса Никита сдаст диверсантов с потрохами и получит какой-нибудь орден Боевого Красного Знамени.

Анатолий тряхнул головой. Идти на задание с такими мыслями нельзя. Как командир, при таких подозрениях он должен дать приказ о возвращении на Войковскую. Или... Что, если остановиться и прямо здесь вытряхнуть из Никиты душу? Перебежчик не производил впечатления негибачего борца за светлые идеалы. Если хорошенько поднажать, как миленький заговорит.

Нет!

Нестор верил Никите, а ставить под сомнение умение Батки разбираться в людях Анатолий не мог. Не имел права. Чином пока не вышел. Анатолий вздохнул. А как, черт побери, было бы уместно сейчас засадить пухлощекому предателю промеж рогов!

Впереди послышался хруст щебня под чьими-то ногами. Луч фонарика выхватил из темноты два силуэта – маленький и побольше. Группа остановилась. Рука Анатолия автоматически метнулась к поясу, ладонь сжала ребристую рукоятку пистолета. Мозг мгновенно зафиксировал картину: Анатолий точно знал, что видел женщину, державшую за руку ребенка. Мамочка? Но разве это привидение не должно было слоняться в туннеле между Охотным и Тверской? Это ведь Обходчик, по легендам, имел право разгуливать, где ему вздумается, а Мамочка не должна была покидать свой предел...

Встретить призрак в компании шести рослых ребят было, конечно, значительно приятнее, чем столкнуться с ним в одиночку. А еще лучше бы не признаваться ни себе, ни другим, что ты вообще хоть на секунду поверил в эти глупые байки о привидениях.

Луч фонарика скользнул по стене и утонул во мраке прямоугольного дверного проема. Стальная, насквозь проржавевшая дверь подсобки болталась на одной петле и едва заметно покачивалась. Тот, кто спрятался внутри, очевидно, зацепил ее. По Толиному знаку группа встала полукругом и медленно двинулась к двери.

Никого там не будет. Призраки подстерегают одиноких путников. Как и диверсанты, привидения не любят свидетелей. Растворятся в темноте, и все. «Что же это я, – спросил себя Анатолий, – неужели все-таки верю?»

Вопреки ожиданиям, Мамочка и ее сынок не исчезли. Когда фонарь осветил помещение площадью всего в несколько квадратных метров, все увидели нарушителей спокойствия. В дальнем углу за перевернутым стеллажом, согнувшись в три погибели и прикрывая собой мальчика лет пяти, пыталась спрятаться женщина. Ее некогда коричневое пальто местами выцвело и сделалось розово-пегим, а о том, что воротник был когда-то рыжим, напоминали только редкие клочки свалявшегося меха. Женщина дрожала от страха. На приказ Анатолия выйти в туннель ничего не ответила.

Мальчик оказался смелее. Он вырвал ручонку из материнской ладони и вышел на середину комнаты. Существо, больше походившее на испуганного, но любопытного зверька, было облачено в кургузую, украшенную множеством разноцветных заплат, куртку. На нем были слишком короткие брючки и огромные, на несколько размеров больше, чем требовалось, ботинки. Слипшиеся в сосульки русые волосы выглядели, как иголки ежика. Ослепленный ярким светом мальчик прищурился, но, рассмотрев Анатолия со товарищи, улыбнулся и вытянул вперед грязную ладошку:

– Подайте, люди добрые, на пропитание.

Толя сделал шаг к мальчику, собравшись погладить его по голове, но женщина неожиданно издала сдавленное рычание и, перемахнув через стеллаж, одним прыжком оказалась между ним и мальчиком. Еще в прыжке она вскинула руку, и если бы Анатолий инстинктивно не попятился, то острые ногти, несомненно, расплосовали бы его щеку. Женщина тряхнула седыми космами и подняла лицо. Анатолий сделал еще один шаг назад. Защитнице мальчика было лет тридцать, и нестарое еще лицо странно, нехорошо сочеталось с пепельными волосами... Будто однажды она увидела что-то, от чего мигом поседела. Черты ее лица можно было назвать правильными, если бы не уродливый вертикальный шрам, идущий от левого глаза до края губы. Но больше всего пугали глаза – глубоко запавшие, словно смотревшие из бойниц. Они, как и волосы, принадлежали старухе, а не молодой женщине. В этих глазах читались и непонятная сила, и смесь тайного знания с откровенным безумием. Выдерживать такой рентгеновский взгляд дольше нескольких секунд было невозможно. Анатолий молча уставился в пол.

– О-о-о! Вы все сдохнете! – заговорила женщина нараспев. – Это говорю вам я – любимая ученица Зверя! Вы умрете совсем не так, как рассчитываете! Не в теплых палатках, обжираясь колбасой! О нет! Зверь придет за вами, обовьет своими щупальцами и утащит туда, где рождается мрак. Он заставит вас спуститься по черным ступеням боли в Храм Страданий! Он скует ваши члены адским холодом и начнет пожирать с ног, медленно, очень медленно добираясь до головы! Это предрекаю вам я – избранница, которой Зверь коснулся своим перстом, пометил когтем и оставил в живых! Истинно, истинно говорю вам: умирать будете долго и миллионы раз пожалеете о вонючей крысе, которую отобрали у голодного мальчика!

Закончив свою речь, женщина сунула руку под лохмотья и швырнула к ногам Анатолия скрюченный от огня трупик крысы. Затем завалилась набок, закатила глаза и забилась в конвульсиях. Тело несчастной вытянулось как струна, потом обмякло, а на губах появились пузыри пены. Мальчик опустился на корточки, поднял бессильно упавшую на пол руку женщины и прижал ее к щеке.

– Это пройдет, – сказал он куда-то в пустоту. – Это никогда не продолжается очень долго. Потом маме станет лучше. Гораздо лучше. Она перестанет пугать меня и звать Зверя...

– Вам надо пойти с нами, – хрипло сказал Анатолий. – Мы проводим вас до станции.

– Я не крал эту крысу! – заверещал мальчик. – Честное слово: она сама упала с вертела на пол! Я лишь поднял ее потому, что очень хотел есть!

– Никто тебя не обвиняет в краже. – Толя кивнул Артуру, тот расшнуровал рюкзак и вытащил из него кольцо свиной колбасы. – Пока мама придет в себя, ты перекусишь, а потом мы вместе вернемся на станцию...

Мальчик выхватил колбасу, впился в нее зубами и промычал с набитым ртом:

– Ни за что! Если мы вернемся на Маяковскую, нас точно заберут до смерти. Мы остаемся здесь, а потом мама скажет, куда надо идти. Уходите, пока она не очнулась и не позвала Зверя!

Анатолий покачал головой. А что он еще мог сделать для несчастной эпилептики и ее сына? Ворваться на полудикую Маяковскую, задать жару тем, кто обижал юродивую? Да что это изменит! Стоит группе после этого уйти со станции, как женщину повесят или сожгут, как ведьму.

Анатолий посмотрел, как мальчик справился с колбасой, воровато поглядывая по сторонам, схватил крысу и сунул ее пазуху. «Нечего разыгрывать из себя защитника униженных и обездоленных, – одернул себя Анатолий. – Я просто не имею права вмешиваться не в свое дело. У меня есть задание станции, и оно должно быть выполнено».

Он молча кивнул мальчишке и, опустив голову, шагнул в туннель. Отряд, перешептываясь, двинулся следом.

Женщина говорила о Звере... О щупальцах... Вспомнились вздыбленный бетон, изуродованная решетка и неизвестно куда исчезнувший с рельсов... шланг. Дьявольщина... Что же это было? Осьминог, как в детских книжках? Только подземный, прорывающий себе ходы своими щупальцами-хлыстами...

От мрачных размышлений отвлекло приближение к станции. Перед Маяковской не было блокпоста, а сама станция влачила существование в полумраке, поэтому узнать, что подходишь к ней, проще всего было по тяжкому запаху соевых свечей. К горящему машинному маслу, используемому для освещения палаток на Войковской, Анатолий привык настолько, что почти перестал обращать внимание на его вонь, а вот соевые свечи сразу заставили думать о крысином шашлыке.

Анатолий поморщился. Он приказал не забираться на платформу, а пройти мимо Маяковской. Ловить тут было нечего: рвань, бомжи да сифилитичные проститутки, грязь, зараза и голод. Гиблое место эта Маяковская... И дети тут, говорят, пропадают.

Шагая по рельсам мимо станционного зала, Толик обратил внимание на развеселого торговца крысиным шашлыком. Лоток его, как центр мироздания, располагался в середине плат-

формы. Анатолий посмотрел на полное, лоснящееся от пота лицо шашлычника, перевел взгляд на грязно-серый, покрытый жирными пятнами фартук. Маленькие, бегающие глазенки торговца вызвали тошноту, и Анатолий с трудом подавил желание вскочить на платформу, пнуть ногой ржавую ножку мангала и расшвырять мерзкие тушки крыс по всей платформе. Ведь именно эта тварь с бегающими свинными глазками и вынудила сумасшедшую с сыном бежать со станции и прятаться в перегонах.

Легче Толе стало лишь тогда, когда отряд вернулся в туннель и запах сальных свечей постепенно сошел на нет. Вот так иной раз и не знаешь, где хуже – в страшных темных туннелях, где можно найти свою смерть, так ничего и не поняв, или на таких станциях, где люди разлагаются заживо, даже не успев умереть.

На середине перехода отряд сел перекусить. Ели в полной тишине и почти кромешной тьме, только клацали зубы и ходили желваки. Поглядывая на хмурые лица товарищей, Анатолий понимал, о чем они думают. Пророчества сумасшедшей о черных ступенях боли и Храме Страданий хорошего настроения не добавили.

«Ну вот, кто тут восторгался князем Кропоткиным и его исследовательским пылом? – спросил себя Толя с ехидцей. – Вот, изучай, строй себе научную карьеру. Новые виды фауны? Пожалуйста! Есть неплохие шансы войти в историю первооткрывателем Зверя. Хотя настоящим-то его первооткрывателем был рыжий Митяй... Сколько еще открытий чудных сулит нам московское Метро...»

Треугольник Чеховская – Пушкинская – Тверская, именовавшийся теперь Рейхом, мог оказаться даже слишком щедрым на открытия. Анатолий готовился к ним заблаговременно. Отдал пистолет, нож и рюкзак Сергею, переложил паспорт в карман брюк. На Чеховской ведь любая заминка могла привести к пальбе. Фашисты славились по всему Метро своей нетерпимостью и нетерпеливостью, и оружие пускали в ход по малейшему поводу.

Отряд двинулся в путь и без приключений одолел очередной переход. Когда вдаль появился мигающий зрачок костра, Анатолий двинул к блокпосту в одиночку. Он поднял руки еще до того, как его заметили. После стандартной процедуры, состоявшей из хлестких, как удары кнута, окриков, к Анатолию направились трое. Все в черных беретах и камуфляжной форме. Они выглядели близнецами не только из-за одинаковых презрительно-ледяных выражений лиц. Анатолий отметил, что одинаковые бульдожьи челюсти делали охранников настолько похожими, будто их обладателей разводили на одной ферме.

Старшего можно было отличить по тому, что он стоял в центре и держал вместо автомата фонарик. Луч сканировал прищельца от ног к лицу. Автоматчики моментально оказались у Анатолия за спиной и одновременно толкнули его в спину стволами. Первым, что бросилось в глаза при подходе к блокпосту, был плакат, натянутый под потолком туннеля на всю его ширину. На красном фоне черной краской, на трех языках было выведено: «Blut und Ehre. Blood and Honour. Кровь и честь». Вместо знаков препинания надписи разделялись кружками с трехконечной свастикой.

– Кто такой? – наконец спросил старший.

– Человек.

– Ага. Шутник. – Офицер поднял затянутую в черную перчатку руку и указал в угол между набитыми песком мешками и стеной. – Полюбуйся. Этот тоже поначалу называл себя человеком. Трепался о том, что артист. Мы совсем немного поработали с ним, переубедили и теперь... Цербер, голос!

Зазвенела цепь. То, что Анатолий посчитал грудой тряпья, зашевелилось и оказалось стариком-горбуном. Он был бос и одет в невообразимые лохмотья. В свете костра блестела лысина, окруженная венчиком седых волос. На худой, обтянутой пергаментно-желтой кожей шее виднелся металлический ошейник с ржавым висячим замком. Противоположный конец цепи был продет в стальную скобу на стене. Повинуясь приказу офицера, горбун встал на чет-

вереньки, поднял вверх лицо, превратившееся от побоев в сплошной синяк, и раскрыл почти лишенный зубов рот.

Уши резанула хриплая пародия на лай. Овчарка, лежавшая у мешков, покосилась на старика и лениво тявкнула в ответ.

– Молодец, песик! – Офицер кивнул горбуну и обернулся к Анатолию: – Мы показываем Цербера всем, кто приходит в гости. После знакомства с ним желание шутить с солдатами Рейха, как правило, пропадает. Документы!

Офицер принялся рассматривать паспорт, бормоча что-то себе под нос. Анатолий же не сводил глаз с его кадыка, ходившего вверх-вниз, и размышлял о том, что за доли секунды сможет преодолеть разделявшее их расстояние. А там... С каким наслаждением, он вцепился бы в эту шею и сдавливал бы ее до тех пор, пока глаза фашиста не вылезли бы из орбит! При большом желании можно было успеть выхватить пистолет из кобуры. Пристрелить одного автоматчика он успеет. Если повезет, всадит пару пуль в грудь второго. Серега услышит выстрелы и примчится к блокпосту. Вот тогда будет и кровь, и честь... Анатолий с трудом сдерживал себя. Еще немного, и он начнет действовать... Но вместо этого сдержанно проронил:

– Мне нужен Малюта.

Офицер оторвался от изучения паспорта и удивленно посмотрел на пришельца.

– Мне нужен Малюта, – упрямо повторил Анатолий. – Говорить буду только с ним.

В течение минуты фашист не произнес ни слова. Заложив руки за спину, он раскачивался на каблуках, очевидно размышляя над тем, пристрелить гостя сразу или сначала помучить. Однако названное Анатолием имя заставило его удержаться от слишком поспешных действий.

– Пойдем, но предупреждаю, если опять шутишь, будешь сидеть рядом с Цербером и обучаться лаю.

Анатолий последовал за офицером. Он уже бывал на Тверской. Хорошо помнил отделанные светло-серым мрамором стены, красные гранитные полы и бесчисленные плакаты с лозунгами и картинками, которые вывешивались на любом подходящем месте. Первое место среди всех картинок уверенно занимало изображение черного человечка, перечеркнутое красной линией. Дальше по списку шла свастика.

По платформе расхаживали дюжие парни с каменными лицами, вооруженные автоматами и дубинками. Большинство было в беретах, от чего станция напоминала поле, усеянное грибами с черными шляпками. Анатолий чувствовал на себе неприязненные взгляды, которыми на станции, наверное, встречали любого чужака. Офицер повел Анатолия к центру зала, где у перехода на Пушкинскую, рядом с застывшими эскалаторами, стояли четверо высокопоставленных офицеров. Об их высоком положении в фашистской табели о рангах свидетельствовали черная форма и фуражки с высокими, украшенными орлами, тульями.

Проводник приказал Анатолию остановиться, подошел к группе офицеров, вскинул руку в римском приветствии и перекинулся несколькими словами с фашистом, который не был обрит, а наоборот, бравировал своей огненно-рыжей шевелюрой.

– Ты ко мне? – строго спросил рыжий, приблизившись к Анатолию. – Что-то не припоминаю...

– Вам привет от дяди Миши.

Узкие губы скривились в улыбке, которую можно было только с большой натяжкой назвать приветливой.

– О! Слышал. Много слышал. Молодец, что сколотил свою банду. Вождь прирожденный твой дядя Миша. И как он?

Анатолий бормотал о том, что дядя Миша чувствует себя превосходно, а думал о товарищах-анархистах, которых фашист окрестил бандой. Если уж анархисты были бандой, то как следует называть подданных Рейха? Изверги? Ублюдки? Нет. Чересчур мягко. Жаль, что

Аршинов не выдал второй мины. Этим создателям людей нового типа тоже не повредил бы хороший заряд динамита.

Сообщение о том, что Анатолий не один и через Тверскую требуется без обыска пропустить еще семь человек, не вызвало у Малюты особого энтузиазма. Однако, поморщившись, он все-таки отдал распоряжение беспрепятственно вывести группу за пределы Рейха и даже, подчеркивая свое особое расположение к дяде Мише, приглашал заглядывать еще. Анатолий выдавил в ответ улыбку. Он считал, что для полной гармонии рыжему красавцу очень не хватает стального ошейника на шее. И многое отдал бы за то, чтобы увидеть, что получится, если посадить Малюту на цепь вместо несчастного горбуна.

Глава 5

Клаустрофобия

По мере удаления от Рейха и его населения становилось все легче и легче дышать. Чего заслуживают фанатики, привыкшие сортировать людей по внешним признакам, расставлять их на ступенях воображаемой лестницы, по которой кого-то отправляют прямо в ад, тогда как для себя они зарезервировали верхние ступени? Люди, которые способны забыть все человеческое в себе и выбить это человеческое прикладами из других? Люди, которые обращаются с арестантами, как с псами, а собак обхаживают лучше иных людей?

С каждым шагом Анатолий чувствовал все большее облегчение, словно, попав в липкую грязь, наконец выбирался на сухое место и получил возможность, потопав ногами, отряхнуть с сапог налипшую грязь. Обретаешь и легкость, и чистоту. Ощущение было настолько реальным, что Анатолий даже посмотрел на свои сапоги. Нетушки. Никакой грязи на них не было и в помине. Кто-кто, а фашисты знали толк в гигиене. Любую грязь они удаляли не влажной тряпкой, а острой бритвой.

Шло время, и чувство облегчения сменилось более привычными и свойственными жизни в туннеле ощущениями. Когда ухо вылавливает на фоне хруста щебенки под ногами особенные, говорящие о приближении опасности звуки, когда в дружелюбном свете фонаря надвигается на тебя из темноты нечто враждебное, что до смерти тебя напугает.

Пока все шло своим чередом, и Анатолий время от времени бросал любопытные взгляды на Никиту. Судя по виду, тот вообще не привык заниматься самокопанием и самобичеванием. Неужели он не думает о своем предательстве? Ведь совсем скоро они окажутся в привычном ему мире. До Охотного ряда всего ничего осталось... Нет, не до Охотного, до Проспекта Маркса, того самого Бородача, который считается у красных кем-то вроде Бога-Отца.

«Интересно, можно ли тогда назвать Ленина Богом-Сыном? – спросил Толю его внутренний голос. – Или какие там у них были отношения?»

Анатолий улыбнулся и подумал, что этот генетический эксперимент по выведению нового человека мог бы стать прорывом. С размахом мыслят товарищи коммунисты, надо отдать им должное! Все-таки они мечтатели, стоящие в длинной очереди идеалистов, пытающихся изменить мир к лучшему.

«Браво! – зааплодировало его второе я. – Попрошу заметить: в той же очереди стоят наши Че Гевара, Бакунин и Кропоткин!»

Правильно. Эксперимент Корбута позволит создать новую расу, которая будет устойчива к радиации. Ее представители без дрожи в коленях выйдут на поверхность и смогут построить новый мир. Создадут будущее не для туннельных крыс, а для возрожденного человечества. Люди снова увидят звезды, о которых с такой пронзительной ностальгией рассказывают старожилы Метро. Как там говорил Нестор? Гэмэчелы – генно-модифицированные человеки – смогут преспокойно пользоваться всеми ресурсами поверхности... Мило! Все вспоминают жизнь на земле со слезами умиления на глазах, однако все попытки рядовых гуляйпольцев самостоятельно выйти на поверхность руководство станции пресекает на корню, в порошок готово стереть!

«Стереть в порошок? – тут же подхватило второе я. – Это ты верно заметил. Стереть в порошок с помощью тротильных шашек, которые лежат в твоём рюкзаке. Так зачем валить с больной головы на здоровую, товарищ идеалист?»

Анатолий мотнул головой, чтобы отогнать расслабляющие волю мысли, которые могли завести только в тупик. Прежде всего, он солдат и должен выполнить приказ станции. А там... Надо будет полистать Кропоткина. У него точно можно найти ответ. Плюс к этому князь больше всех остальных мог претендовать на близость к абсолютной истине, поскольку все чер-

тежи своего варианта переустройства мира чертил исключительно на бумаге и не запятнал руки единой каплей крови. Этот вывод принес некоторое утешение, и Анатолий посмотрел на виновника своей минутной слабости.

Никита в самом деле выглядел помолодевшим лет на десять. Он вытер ладонью пот с лысины. Его маленькие, спрятанные за косыми, как у монгола, складками кожи глаза выглянули из своих норок. В движениях появилась уверенность и даже какая-то лихость. Что за дела? Как объяснить это преображение?

Может, просто вошел в ритм движения? Да, такой ритм существовал. Тот, кто долгое время проводил на станции, а затем попадал в туннель, нередко вел себя как растерянный ребенок. Шарахался из стороны в сторону, выписывал зигзаги, вместо того чтобы двигаться по прямой. Однако стоило новичку нащупать ритм движения, вписаться в темп, как шараханья заканчивались. Дальше его начинала вести мягкая лапа Метро. Она подталкивала в спину или придерживала за плечо, помогая идти по кратчайшему пути. Это, конечно, не гарантировало от опасностей, которые подстерегали путника на каждом шагу, зато позволяло добраться до цели быстрее.

Черт его знает! Вдруг этот тюфяк Никита просто становится мало-помалу нормальным мужиком? Может, туннель позволит ему чуточку подавить в себе чиновника, привыкшего прятаться за чужими спинами? «Может, – думал Анатолий, глядя на толстячка, – в конце нашего пути мне придется пожать твою пухлую ручонку?»

Их взгляды скрестились. Никита тут же отвернулся, но Анатолию вполне хватило и мгновения, чтобы понять: никогда и ни за что они не пожмут друг другу руки. Если Никита и не был дважды предателем и двойным агентом, то ждать от него дружеских лобзаний точно уж не стоило. В лучшем случае он просто выполнит поручение Нестора, а в худшем...

Анатолий вдруг понял, что в течение нескольких минут он слышит за спиной тяжелое дыхание. Позади шагал Гриша. Рослый, крепко сбитый парень, не раз доказавший в передрыгах свое мужество. Про таких говорят: в воде не тонет, в огне не горит.

Но только вот что-то с ним приключилось... Квадратное лицо скривилось, словно кто-то вывернул Грише руку и все больше дожимал ее, чтобы сломать. Выступившие на лбу и висках бисеринки пота катились по щекам и массивному подбородку. Гриша то и дело поднимал глаза к своду туннеля, а когда опускал, начинал мять и передвигать ляжку рюкзака, будто она не просто давила на плечо, а впивалась в тело.

– Все нормально, Толян... – с трудом выдавил из себя Гриша.

Голос у него был таким хриплым, будто он сорвал голосовые связки. Анатолий кивнул и отвернулся. Лучше бы Гриша не раскрывал рта. Ему действительно было плохо, что-то его беспокоило... Однако начинать расспросы Анатолий не хотел. Не стоило волновать остальных ребят. Даже слабая тень паники была сейчас, в середине пути, не на месте. Как-нибудь уж Гриша продержится до станции... А там устроим привал и поговорим.

Проблем хватило с избытком и без Григория. Начались они через три десятка метров. В круге света на правой стене мелькнуло что-то черное. После того как луч фонарика замер на черных пятнах, стало ясно, что это не просто сырое пятно плесени. Пятна сложились в буквы «ж» и «и». Круг света переместился влево. Стала видна вся надпись, или, точнее, ее отрывок:

– Берегись! Здесь жи... – начал читать Гриша хриплым, замогильным голосом и вдруг осекся.

Черт бы его побрал, зачем произносить фразу, которую и так все прочитали! Никто не нуждался в озвучке текста, который и так не имел ничего общего с «добро пожаловать!».

Фраза «Берегись! Здесь жи...», по всей видимости, была выполнена факелом или мазутным светильником. У каждой из корявых, разной толщины букв имелась уходящая вверх косичка. Однако самым жутким было окончание фразы. Буква «и» заканчивалась длинной, уходящей к самому полу дугой. Тот, кто написал это, явно прервался не по своей воле. Закон-

чить мысль ему помешали. Помешали те, кто... Живет здесь! Анатолий обвел взглядом настороженные лица ребят своей команды. Они, конечно, и сами обо всем догадывались. Глупо было считать, будто любитель настенных текстов собирался закончить свое откровение чем-то вроде: «жизнь» или «живопись». Так кто же здесь живет? Мамочка? Путевой обходчик? Его Величество Зверь?

Похоже, наиболее близкий к истине ответ мог дать только Гриша. Парень совсем раскис, он чуть не плакал. И безуспешно пытался скрыть бившую его дрожь. Будто ему казалось, что на них вот-вот рухнет свод туннеля, и поэтому он все время таращился вверх – на самый безопасный из всех потолков, которые Анатолий когда-либо видел. Лучи фонариков металась во все стороны, но, насколько хватало света, не было и намека на угрозу. Просто здесь кто-то живет. Возможно, как раз сейчас он сыт и не желает тратить время на такую мелкую добычу, как восемь жалких людишек. Вот когда пройдет караван побольше, тогда он и покинет свою сырую, темную нору, чтобы полакомиться человечинной.

Молчание становилось все тягостнее, пока нервное напряжение не достигло наивысшей точки, после которой проронить хоть слово стало жизненной необходимостью.

– Гринь, что случилось-то?!

Вопрос командира вырвал Гришу из ступора. Он несколько раз сглотнул с таким видом, будто привести речевой аппарат в действие стоило ему теперь невероятных усилий.

– Ерунда, командир... Чертовщина какая-то... Крылья. Они повсюду. Хлопают так, что ушам больно...

– Какие, к Марксу, крылья? – фыркнул Анатолий с деланной иронией. – Нет ничего такого, и не может быть. Скажи себе это, и сразу полегчает.

Гриша кивнул и попытался выдавить из себя улыбку. Вышло очень даже неплохо. Почти искренне.

– Вперед! – скомандовал Анатолий.

Все испытывали одинаково страстное желание поскорее покинуть это место. Плохое было место. Плохое! И желание бежать было настолько страстное, что отряд, вместо того чтобы двигаться попарно, растянулся в шеренгу от одной стены до другой. Толя закрыл на это глаза – не стоит донимать бойцов придирками в такой момент. Сейчас, сейчас, минуют этот странный участок и снова построятся как положено.

Сам испугался, вот что. Сам сдал. Командир, тоже мне...

Толя так заспешил, что, вопреки своим правилам, решил миновать темный проем подсобки без привычных предосторожностей. Под ботинком что-то хрустнуло.

Щебень не мог издать такого звука. Это был сухой и отрывистый, как одиночный выстрел, хруст. Анатолий инстинктивно отпрянул в сторону так резко, что чуть не сбил Гришу с ног. Вырвав фонарик у ведущего, он едва не уронил его – руки стали не просто влажными, а мокрыми от пота.

Луч света упал на нужное место. Анатолий перевел дух. Он наступил на ногу скелета. Только-то и всего. Прыгать из-за этого до потолка не стоило. Тем более бравому командиру отряда. Жителей Метро нельзя удивить скелетами. Они встречались в некоторых туннелях почаще живых людей.

Анатолий не раз видел трупы в разной степени разложения. Вначале у него включалось воображение, он размышлял о том, кем при жизни были эти люди. Пытался понять по внешним признакам, кем они были по профессии. Искал в пустых глазницах ответ, кого любил и кого ненавидел хозяин черепа. Однако вскоре привык к этому зрелищу. Найденный в туннеле труп оставался для него просто трупом. Кусок мертвечины. Ни о чем он не думает. И не думал никогда.

Как-то раз Анатолий даже попытался прикинуть, как соотносится количество увиденных им останков с числом с примерным числом живых обитателей Метро. Оказалось, что сравне-

ние не в пользу живущих. Настолько не в пользу, что не обязательно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что если пустить проблему на самотек, то лет через десять туннели будут просто завалены скелетами умерших насильственной или естественной смертью людей. И все из-за того, что живые были слишком заняты своими делами, чтобы обращать внимание на мертвых. Последние ведь прекрасно могут обходиться без оружия, топлива и еды. Так зачем тратить на них драгоценное время, если его можно использовать для более полезных дел?

Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов? Пусть забирают их к себе в туннели, пусть набиваются в мертвецкие-сквоты, лишь бы не совались на станции, к живым.

Как же тогда будет выглядеть Метро в будущем? Метро – мертво...

И вот уже лучи фонарей не просто рассекают пустоту, они безуспешно пытаются пробиться сквозь нагромождения скелетов, тазовых и берцовых костей, обрывков полуистлевшей одежды, пустых черепов. Теперь путешествие от станции до станции занимает в десять, двадцать раз больше времени, чем раньше. Отрядам приходится прокладывать себе путь, раздвигая в стороны залежи костей. Люди расчищают себе узкие проходы, продвигаются вперед благодаря шахтам вентиляции и боковым туннелям. Поездки на дрезинах навсегда останутся в прошлом. Сообщение между станциями становится роскошью. Привычные связи разрушаются.

Мир жителей Метро, и без того несказанно ограниченный, сужается до узкого пространства станций. А смертность растет, костные залежи становятся все выше и выше. Проходит время, и медленный поток реки скелетов вползает на жилые станции. Люди, закупоренные на своих платформах, продолжают умирать. В конце концов, месть непогребенных мертвецов свершится – Метро станет просто мертвой ямой, могилой, набитой костями.

Метро – мертво...

Чушь! Существует множество способов избавиться от скелетов. Люди обязательно решат проблему. Они ведь хоронят своих близких? А если каждый найдет время захоронить труп незнакомого человека, то жуткая картина, нарисованная кистью его фантазии, никогда не станет явью.

Анатолий почувствовал легкий толчок в плечо. Позади стоял Колька. Ствол его автомата был опущен вниз, и фонарик освещал ноги скелета. Остальная часть костяка скрывалась в темноте подсобки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.